

смена

№ 6 МАРТ 1974

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

ОКНО
В МИКРОМИР

Какое яркое имя ни возьми, почти всегда оказывается, что герой войны или труда был или есть комсомолец. И это всем нам представляется естественным, привычным — комсомол по праву называют школой воспитания, кузницей кадров. Можно уже говорить о целых комсомольских династиях, где несколько поколений прошли школу Ленинского союза молодежи.

Все комсомольские страны стоят сейчас на трудовой вахте в честь предстоящего XVII съезда ВЛКСМ. Эта трудовая вахта имеет особый смысл — она символизирует память о золотом событии — пятидесятилетии со дня присвоения комсомолу имени Ленина. В манифесте ко всем комсомольцам, ко всей рабочей и крестьянской молодежи, принятом на VI съезде РЛКСМ, написано: «Нес для красного слова, не из желания носить лучшее из всех имен, но только для того, чтобы почтить уважением память великого ученого, принял мы это решение. Нет, мы приняли его для того, чтобы мы грядущая молодежь всех народов, населяющих СССР, вместе со своим передовым отрядом Коммунистического Союза Молодежи проникла единой волей и гвердой решимостью научиться по-ленински жить, работать и бороться, осуществляя заветы, оставленные нам Лениным».

Коммюнисты воспитывают тысячи и тысячи героев. Но, кроме этих тысяч, есть и немало воспитанников, которых надо Союз тоже спасти и гордиться. Эти люди не совершили ничего особенного, выдающегося и могут «похвастаться» разве только тем, что скромно, незаметно трудились, всегда честно выполняя свой долг. Они, быть может, не задумывались о своем «месте в истории», но без них были бы невозможны все совершенства первых пятилеток, ни трудовые подвиги сегодняшних дней. Без них не были бы накоплены те нравственные ценности, которыми мы сильны.

Этот очерк — именно о таких людях, о нравственном единстве поколений, воспитанных Ленинским комсомолом.

Фото Альберта ЛЕХМУСА

Соинце, весь день палившее с высоты, разевоилось — как пасть ящерицы, — и, словно волна, наполнило и скрылось. На дальней улице, «линейке» — по-западному, игриво тенется батомом крова. На скамейках лицом к ушедшему солнцу сидят старики. Молодежь стягивается к клубу. Кажется, сейчас в поселке, словно забором, обнесенном пахучими стогами, деловито одна только залывная труба. Трудится, красная, кирничная, легко выдыхает илениевые дымы.

Рассказывают, что стекольный завод в Большой Вишере (до революции «полустанция на Николаевской железной дороге») начал строиться после того, как личные братья Курженковы встали на трамвайную линию и пошли на завод. Один из братьев, Илья, изначально пришел на бистром ходу из холода и расшиб голову о придорожную тумбу. Второго ногу побила страсть к признательности. Увидев в цирке Чилингиря шапоготовителя, загорелась мысль изучить этому искусство. Смывая шашу салом, выпихив водки для храбрости и... скончалась посыпкой.

Ходят слухи, а труба привлекла птиц. Вскоре восторженный рев заводского гудка возвестил о начавшейся в Питере революции. И его же грозный голос провожал на борьбу с Колчаком и Деникиным три добровольческих отряда.

После Великой Отечественной войны, когда вернулись к разрушенным избам жители поселка, увидели: труба нет, завод нет, в коробках разбомбленных цехов плакут малые пины.

Все большевицкие, кто был со стороны ходить, держать в руках мастерок, восстанавливали завод. Потом заготавливали для него дрова. Растигнувшись цепочкой в три километра, передавали из рук в ру-

ки хворост, поленья, тяжелые коренница.

Здесь без малого лет существование Большевицко-Бересский стекольный завод, конечно, вырос. Раскинулся вширь и поселок. Но, как сотни его собратий, маленьких заводиков, не сумел стать объектом важного значения, ни был ни разу объявлен ударной стройкой. Для этого производству у завода несеребряная, известно, что идет нарасхват: вазы, салатницы, графины, стаканы и рюмки.

Завод давно обещана реконструкция («Понимаете, мы в списке первых строкой!»), но ее отодвигают и отодвигают.

Деньги у завода есть — из года в год он перевыполняет план, растут и количеством, и качеством хрусталя. Бересский — то видимо ремонта стаканов построит конвейер, то под видом ремонта же начнут асфальтировать ухабистую дорогу. Десять километров отделяют поселок от районного центра — Малой Вишеры. Восемь с половиной из них (читая от Малой Вишеры) успела заасфальтировать, но тут настигла «партизанская» картина: руки-специалисты из Ленинграда, привлеченные к работе поселка, уехали. Строительство дорожного покрытия прекратилось. Поселковые кури, как и прежде, купаются в пыли. А их хозяева, катапультируясь из автомобилей кресел на первом же ухабе, визжат: «Эх, не успели!..»

Мимо платформы «Большая Вишера», обрамленной гулкими рельсами, проходит поезд. В двух часах села Ленинграда — в пятнадцати километрах от поселка — Москва. Вслыпалась в мелькающие окна вагонов, вишерские парни и девчата (девчата в поселке побольше, чем ребят) видят: в поездах много свободных мест. Не их ли дожидаются?

Потом же матери (при случае хватало соседей) «Мою (мои) уехали». В большинстве гонки за мужем, хочется.

Волода никогда не рвался уехать из поселка. Правда, в армии специально «ступил» на 1-й класс (он был командиром танка), чтобы потом вводить тягач в геологических партиях. Хотелось помечтать, посмотреть свет. Но что потом обязательно вернуться домой, никто из них самм еще не покидал поселка. А вышел не так. Приехал на побывку, увидел

ДИНА

заплаканные глаза бабушки, матери и сестры, обнял отца, провел рукой по аккуратно сложенной поленнице, которая лежала на скамейке у Ледора. Вот история: они учились несколько лет в соседних классах и друг друга не замечали. Смутное детское воспоминание: но улице идет маленькая девочка с огромным коромыслом. А ведьки тоже маленькие... От этой девушки, с которой познакомился столько лет спустя, от родной избы никуда не хотелось уезжать. После демобилизации попал на завод слесарем, работал инженером. Женился. Родился Ларчик...

Выывает, приезжают в Вишеру разлетавшиеся по всей стране одноклассники, спрашивают кто со скромной жалостью, кто с легким высокомерием: «Ну, как тут живут? Подтекст такой: не такие ли больши? Молодые из деревни не замечает ни жалости, ни высокомерия. В «большой мир», конечно, птиет, да он кое-где уже побывал (по рабо-

те привык поездить), но жить хотят только здесь. Когда его спросили, доволен ли жизнью, ответил: «Да. Многое, чего хотел, и уже добрались».

Ворот этот задвял Волода. И не только Волода, а всей семьи Ростовских — Георгию Семеновичу, Надежде Александровне и восемнадцатилетней Сашей. Саша — это девочка, которую называют золотом. До того и много раз встречалась с Ростовскими. Эта семья одна из самых уважаемых в поселке, все ее члены работали или работают на заводе, и работают от лично».

После встреч и разговоров в разумном, прочном доме Ростовских решилась задать им вопрос, на которые легко было отвечать — поздравление с листом бумаги (Попросила при этом не откладывать, а сразу сказать). И спросила: «Позвольте мне вас поздравить».

Я расскажу подробно о том, что было написано четырьмя разными почерками. Но вот ответ, самый для

СТИ

меня неожиданный и потому поразивший: «Многое, чего хотел, я уже достал».

Найдутся ли еще мужчины, давшие бы такое краткое и ясное слово о том, что такое привлекательно? Ведь оно — лицу людям зрелым, таким, как отец Володи, Георгий Семенович (он работает на муфельных печах), который, без сомнения, при而出会 написать: «Я, конечно, доволен тем, чего достиг», — или матери, Надежды Александровны: «Довольна. Я всегда мечтала считать на счетах, на машинах. И вот я на счетах работаю... У меня две дочери, и это мое счастье и радость в моей жизни».

Позже я поняла, что и Володя имел основания для своего признания.

Все ответы были искренними, в каждом я улавывала уже полюбившихся мне людей, не только добрых, обаятельных, завидно дружных между собой, но и значительных. Правда, уловить, из чего складывается эта значительность, было не просто.

Снова перечитываю те страницы, перебираю все, что знаю об этой семье...

«С раннего детства (очень) смущенно и стесняясь работать в кузнеческой мастерской, я любил смотреть на велосипедистов и мотоциклистов. Отец сделал сыну мотоцикл, приватный толстый чурбак: «Иди играй, или работай, без дела не сиди». И Володя таскал целиком днища то по гвоздям, то по пальцам, ревел, но от чурбака не отходил. Подрос и стал помогать по хозяйству. А еще пристрастился вышивать кружевами лобзиком (брюки из синего саванного хлопка), не стеснялся даже вышивать крестом, его работы возили и на районные выставки. Когда подросла Шуреняка и мелкие заботы по дому перешли на ее плечи. Володя купил мотоцикл, и он без устали гонял по окрестным дорогам. То был сложный период (тот самый, переходный), пронесшийся в дом столько волнений... Вечеринки малыши старались говорить побасовите и, конечно, тайком покуривали.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА
ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц
№ 6 (1124)
МАРТ
1974

НАША ОБЛОЖКА:
СКАН ПОМОГАЕТ ЗАПЛЯ-
НЬТЬ В ДОСЛЕДЕ НЕВЕДО-
МЫЙ МИР.

Фото Виктора САККА
РЕПОРТАЖ ИЗ БИОЛОГИЧЕ-
СКОГО ЦЕНТРА В ПУШКИНЕ
ЧИТАЙТЕ НА СТРАНИЦАХ
12 — 14.

6

РАБОЧАЯ ТРИБУНА «СМЕНЫ».
НАСТАВНИК.

8

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АНОНС.
Отрывок из романа
Михаила АЛЕКСЕЕВА

16

КРАСОТА РОДНОЙ ЗЕМЛИ.
ЯСНАЯ ПОЛЯНА.

24

НЕ ВСТАВШИЕ НА КОЛЕНЫ.
Очерк о борьбе
американских индейцев,

СЛЕДУЮЩИЙ НОМЕР «СМЕНЫ»
ПОСВЯЩАЕТСЯ ОРДЕНУ ЛЕНИНА
ЧЕЛЯБИНСКОМУ ТРУБОПРОКАТНОМУ ЗАВОДУ

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. С. Абрыкин, Г. П. Елисеев, А. П. Кулешов, А. А. Лихачев [ответственный секретарь], В. В. Лудин [заместитель главного редактора], В. Г. Победоносцев, Р. И. Рождественский, Е. И. Рабчинский, Г. В. Семенов, А. П. Середа, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник]

Художник Г. С. Терзибашянц

Технический редактор Н. И. Будкина

«Мы никогда не были детей. Годами держали их строку, но наказывали редко. А чаще посыпали и вкусили. Всюду все поняла» (Надежда Александровна).

Тот хмель, дурачок молодеческого, быстро вывернулся на Ариадну, и тот момент, когда она заворованным взглядом, собравшим парнем и вскоре заставившим говорить о себе как об отличном сказкаре.

Секрета Володи и Шурки себя помнят, столько в доме во всякий день, в будни и праздники, говорят о заводе, о стекле, Дедушки, Семен Григорьевич, и вспоминают кузнецким. И этот его почтительный мастер, у него было, как прежде говорили на заводе, «большое стуло». Это значит, что мастер сидел на стуле, выполнял самую сложную работу (работал только на «крупинках»), а вокруг сновали подмастерьи, целая бригада — рабочих-отличников.

У Володи и Шурки, в пижаму, на комоде — целый музей стекла. В центре стоит сервизы с надписями, подвенесные заводом к золотой свадьбе самых старших Ростовских, к серебряной — родителям Володи и Шурки. Вокруг графины, граверницы, вазы, бокалы причудливых форм, невиданной отделки. Алмазная грань, гравировка пресловутых «девочек», «бабочек», «жабочек» фотография... Володи и Шуряк на запомнили эти названия; о некоторых вещах скажут даже, кто гравил или гравировал. Стекло собирали не от любви к посуде, просто в нем была вся жизнь. К Ростовским несколько раз приезжали из музеев, срисовывали редкие изделия, выставляли в забайкальской галерее. Но вот одна большая часть посуды пошла в войну. Понадобил дом — немцы подожгли в Вишере... Ростовские бережно все-го прятали стекло. Ночью в подвале вырывали глубокие ямы и опустивши в них ящики. Вернулись, а тайны разрыты. Дедушки, несколько дней упрямые, комарили землю лопатой, но вернули стекло.

Всю силу на него трех сыновей: «Сыновей потерили, а уж стекло...». Семен Григорьевич отпирал ящички и большие не спускался в подвал, не мог. Позднее один из них все-таки обнаружили.

Друзья Ростовских тоже все стекольщики с Большевицким землемеры и сочиняли Большевицкий землемер. Ночного переписчика было для Володи и Шурки в детстве, тем, что их разговоры и рассказы лепишки. Из этих рассказов ребята знали, даже самые здорово мудрые мухи не выдергивали долго у отгненных стекловарочных печей, через каждые час бежали к речке, бросали с размаху в воду.

Сейчас в цехах поспешилиают новые стекла, гудят форварды. Работают на заводе ребята, «Теперь-то днины работают!» любят говорить бабушки... — и они недавно-то принесли Гоне щебошку, а в цехе такой образ, как в ресторане, кругом цветы стоят. Бабушка говорит без укора, что это получается у некоторых стариков, — вот мы, мол, помучились, а у молодежи не получается. И вспоминают, как живо и было все время удивляться, тем же голубом, каким пронизывают тоже часто повторяющую фразу: «Теперь-то днины детей растут!»

Перед смертью дедушки тяжко болел. Целыми дниами лежала молча, ожидая с работы сына и невестки, чтобы выпросят место ее завода. Какой-то старик, который знал, что это погиб, на мастер-стеклорубинии или стекловарке об换取ил три месяца (дедушка учился у своего отца десять лет, только после того его сделали мастером). Но зато уж был учи-версал! Старик молча выслушал

сына, попросил: «Позови Надю». Полонина невестка. «Прайди ли Гаша-то говорит, теперь мастерами за три месяца делаются?» «Прайди, праправа. Научатся рюмки или стаканы тупить, и им сразу же место дают... а я, я стекольщик не может, потому что танут?» «Не может». Семен Григорьевич помочал, обмыл язык усыпанье, потом попросил: «Позови Гону...»

Он так и умер, не сумев поверить, скрупулезно бессильно: «Ох замертво стало стариков!» — и глядел с наядкой на Володью, наследника.

На заводе, вправду, произошли изменения. Несколько лет назад, в том году, требовалось еще больше, и в году бездонному чужому рынку ассортимент наделей сжался, отдель упаковка упаковка. Прежде алмазники не могли глаз отвести от наделей во время работы, теперь болтали, верти головами на стороны в сторону — руки сами прыгали под потоком горячего крауза. Рисунки на них вырывались, как из-под пальцев, — «бабочки».

Современный лаконичный стиль утвердился в оформлении наделей, а количества их резко увеличилось. Старые мастера перед пуском конвейера на участке алмазной обработки успели не пожалеть работать на заводе, и никто никого, похоже, не осенит доносами.

«Возможно, поэтому я и не пошел прямо по стопам моего бабушки. Там ведь, собственно говоря, человек сейчас работает, как автомат. Мастер настолько прыгает к работе, что все видят уже без зрения, а якакое не ирашает. Сейчас я работаю по ремонту, вычислительные машины, очень интересная работа. Прежде чем это что-либо сдало, сначала подымаю» (Володя).

Обращению с вычислительными машинами — обычными и электронными — Володя обучился на курсах в Ленинграде, куда молодого Ростовского (одного Ростовского) командировали завод. Больше всего его интересовали вычислительные «Союз-10», тоже при поддержке завода, и «Альфа». «Их знаю, прага или нет, но говорят, что в «Альфе» четыре с половиной тысячи деталей! Некуда даже отверткой подобраться! Механические машины мне приваты меньше — там и глазом можно увидеть полукомы».

Как пожока по духу на пакетном конвейере, Володя вступил в институт, тем, что ежеминутно надо «зглядеть за задней температурой», чтобы как можно лучше извлечь из огнегасильных печей.

«Однажды в поездке я познакомилась с очень сердитой девушки. Она, по ее словам, ехала «засыпать Москву» (заглядевшись, скажу, что в Москве устроилась на работу, на «стеклозавод»). Девушка убегала на поиски, возвращаясь, как сейчас понимаем, в Большую Вишеру, только на ее родине был не стеклозавод, а маленький механический заводок. «Вы понимаете, — доказывала девушка, — все это потомственные профессии» — лепишка, одна лепишка. Ты живешь, мечтая о космосе, а в воссенно-зимний период на завод работать с машиной, это же глупо, и братом. Старый заводчик, и ничего больше. Я от этого бегу».

А Ростовские, любят ли они свой «старый заводчик»?

Это поэт может сказать: «Я люблю тебя, жизнь...» — а они выражают это проще: «С залобой созидаю я на землю» (Надежда Александровна).

«Очень люблю свое детство, рыбью ялузю, когда отговаривал на берегу реки» (Георий Семенович), «...собирать ягоды, грибы и проходить гулить в лесу, читать книги» (Надежда Александровна).

«...ходить за ягодами, за грибами, ездить на рыбальку, но не всегда жена берут» (Саша).

«...больше всего люблю с ребятами ездить на охоту и рыбальку. Люблю смотреть на небо и на звезды, приглядываться к звездам» (Володя).

Добродар, изгнанница Винчера, загадочные борзы, капли морозки во мху, хмельные травы на бесконечных лугах. Неторопливые, привольные, полные важных подробностей жизни. «Люблю радиузы в рыбьей чайке» (Володя). Простая жизнь: «Больше всего ценю в людях простоту характера» (Володя), склоняющая людей к размышлению, жизни, при которой короткая без опоздания.

Но не слишком ли камерна она, не слишком ли невоздушно такое течение?

«Самое яркое событие моей жизни — «ступление в комсомол». Как я тогда был рад, как я радился, как я радился, все на меня смотрели в зевандуру. Мама была очень рада, называла меня аэробистом и разрешала ходить на гонки. В ту пору, после войны, гонки были интереснее. В клубе горели керосиновые лампы, мы танцевали в синтетических платьях, я в русских сапогах» (Надежда Александровна).

«Самым важным для себя считаю тот момент, когда меня избрали секретарем комсомольской организации и доверили воспитание многих людей» (Георий Семенович).

«Больше всего вздохнула, конечно, поездка на всесоюзную встречу трудинных династий» (Володя).

Самые памятные события в жизни — «переезд в Барнаул, появление там таких или других, какими связана с комсомолом. Все четверо были комсомоликами, секретарями комсомольских организаций. Рота, избравшая Володю секретарем, была отмечена за отличную комсомольскую работу. «Может быть, в от день я участвовал себя врасплох. Взрослые — это человек, сделавший что-то, что нужно для других».

И вот вспоминающие счастливой связи своей жизни с жизнью других рождают такое представление о несчастье:

«Ни люблю и пренаряя тех людей, которые живут сами для себя» (Георий Семенович).

«Считаю несчастливым человека, от которого все отвернулись, с которым даже избегают встречи» (Володя).

Волода лишь недавно вернулся с учебы (почти год отсутствовал), а вокруг него уже опять все лучшие ребята завода, он уже в курсе всех дел: комсомольцы активно помогают внедрять в производство вакуумное дутье; собираются строить вторую золотую линию, вспомогательную (вспомогательную) в стеклозаводе; вспомогательные ярмарки на памятником героям Большой Вишеры.

Общественный темперамент в детях и от матери («Если организуется «Огонек» и меня в комиссии не позвут, сама прибегу»), — смесь, говорит мне Надежда Александровна, и от отца, по материнской линии. Антонина Ростовская была легендарным первым съезда РКСМ от Малоизберского уезда. Это — сми-тельство несомненных заслуг: среди комсомольцев уезда было много выбиралось.

Союз молодежи возник в Большой Вишере в декабре 1917 года, почти до дня, когда в официальном рожении города, уже в 1918 году, состоялась установка стела погибшим в войне. Комсомольцы зажгли в Большой Вишере первую электрическую лампочку. Было это так: молодежь решила открыть в посадке кинематограф. Проектор был получен при личном содействии Н. К. Крупской.

Дважды раздобыли сами и в мае 1919 года, годом, отгроходом, страждущим го-да, на облезлой стене «лучи» за-двигались. Света не было. От ком-сомольского давления свет попал в окно, даже и некоторые дома.

Драматический кружок молодых стекольщиков за два года, 1918 и 1919-20, показал в посадке и в о-ресторанах деревенских семидесят семь — входит в это цифру! — семидесят семь спектаклей, в них числе та-кие, как «Коврестье» и «Любовь», «Бедность порока». Крупский, зажигая в посадке столовых театров и летом 1918 года в полном составе выехал по его приглашению в Петроград.

В это же время в Большой Вишере засаживают «комсомольский огород». Выращенные овощи бесplatно отдаются в детскую столовую. Откры-ваются две бесплатные комсомольские ки-бертирские — швейная и са-жальная.

В Большой Вишере формировалась и Первый коммунистический добровольческий отряд Малоизберского уезда, его именин назван сейчас вождь. Еще да отряд добровольцев уходил из уезда на фронты гражданская войны, и они были ком-сомольцами. Многие из них не вернулись домой.

Когда Володя был малышиком и началичили: «Повсюду со настоя-щим человеком», он и не ведал, сколько в его Вишере удивительных ло-дей.

Сейчас он о них знает все.

Николай Иванович Гусев, один из первых членов партии, из первых добровольцев, обратился с поселковой деревни крест. Винзум ужасается, ико-материки, привыкает Колыку Гусева толпа. Он намерто привыкан к основанию креста — вдруг да сорвется, тогда пропадет как антири-гиозная прогнидка...

Гавриила Хмелев. Перед отправ-лением 1-го Красного Армии в Европу Гавриила подожгла к портрету Ленина: «Мы слышим твой голос, товарищ Ленин! Мы не поклонимся ни сил, ни жизни». Он геройски погиб.

Гавриила Хмелев. Перед отправ-лением 1-го Красного Армии в Европу Гавриила подожгла к портрету Ленина: «Мы слышим твой голос, товарищ Ленин! Мы не поклонимся ни сил, ни жизни». Он геройски погиб.

Есть в посадке человек особенной судьбы — тетя Пана, Праксисовна Федоровна. Мусатова, красавица, ста-ная, первая пекуны в Вишере. В пред-взима ее прошла на заводе, у пред-взима она прошла на заводе, у пред-взима...

Одна растяла семерых детей. Труды горячо, а все поет, все смеется.

Прежде в бесконечные ночные смены, чуть только заключают поса-ми стекольщики, тетя Пана (по-другому кому здесь не называть) кинет фрукты на пол, склонится над ними, раз-бирает ветки, растворяет ягоды, убирает ягоды, маки и бабы: «Ну, Пана, размажла, ну, спасибо!»

«Одного за другим она потеряла пятерых детей. Совсем недавно скончалась сына. Он умер неиздогодо до большого заводского торжества, а в праздничный вечер тетя Пана (какое торжество без нее?) пела в клубе. Сын просил петь, что бы ни случилось».

Среди самых важных земель, не-сомненно, земель Вишера. Улан на поиски не постеснялся восьмь лет, именем не заслужил лет «горячего стажа»! И Виктор Ефимов, комсомолец, тоже родственник по материнской линии. Он первым взялся за установку на своем рабочем месте вакуумного аппарата для выдувания изделий. Это была революция в технологиях...

Вот чем богата в глазах Володи Вишера:

«У меня есть почти все, остается только жить. А жить есть для того».

ОН БЫЛ ДУШОЙ «МОЛОДОЙ КУЗНИЦЫ»

На снимке, который опубликован в журнале «Юношеская литература», изображена группа юношей из «Молодой кузницы». Год и склоненность кинематографии: «Г. Немилов — первый врач-комсомолец страны», — пишет сам автор большого изображения замечательного советского поэта Дмитрий Кедрин.

Это было инсценировкой, — утверждает Кедрин, — предложенную им себе строчками из «Поединика»:

...Виновен ли этот мальчик
В проклятых палачах Меха,
Что ставило нездоровье
Волосы моей судьбы...

Молодой врач, выпускник Днепропетровского медицинского института и одновременно ответственный секретарь тарья газеты «Грядущая смена» («Молодая кузница» — проклятие и ней), Григорий Ильинич Ильинский, тоже выступал своим первым патриотическим сочинением в сотрудничестве с Дмитрием Кедриным.

Дмитрий Кедрин принес в молодежную газету весны 1924 года. К этому времени при газете уже существовала «Библиотека юношеской литературы» и выходила одноименный журнал. Его редактировал Владимир Ильинский, а в качестве первых редакторов журнала «Смена».

Дмитрий стал душой группы, один из наиболее плодотворных и галантных поэтов. Его поэзия проходит не без влияния эпохи, неизменно и наследственной «струйки» — Светлана Головина, — которую, хотя и были и тому времени, учили писать, — привнесли в город своей юности ученики разных групп юношеской литературы, печатавшие в газете и журнале новые стихи.

Всюю говорил в июне 1924 года на VIII губернской конференции комсомола секретарь губкома Василий Засовик:

...В январе — 20 членов группы. В марте — подпольцы и комсомольцы. Имеется свой штаб, который проводит заседания. Вышло пять номеров «Молодой кузницы». В рабочем году — 1924—1925 — проводится просмотром при комсомольских избухах организованное отделение «Молодой кузницы». Проводятся литературно-художественные вечера в комсомольских и рабочих клубах...

«Молодой кузница» — способствовала росту начинающих литераторов. Конечно, не все из них стали профессиональными, но кто же не имеет своего жизненного пути? Так, например, профессор С. А. Волгинский и Е. И. Добровольский, с боями выжившие, не помнят время горячих слов в скверах бывшего дома губернатора в Днепропетровске.

Дмитрий Кедрин в этот период много пишет. Он был еще весь в поисках себя, в поисках места, где он может укрыться от трех строк, выразить, что многое, как может только настоящий поэт.

Весной 1925 года Кедрин печатается в «Грядущей смене», в журнале «Молодая кузница», в пионерской газете «Весна».

Большинство из них, неизвестны сегодняшнему читателю, они не включены в «Библиотеку юношеской литературы» его короткой жизни (Дмитрий Борисович погиб в 1945 году в возрасте 25 лет).

Мне довелось собрать немало его первых стихов, большинство из которых, к сожалению, не занесено в «Библиотеку юношеской литературы», через 50 лет, очень современно.

Я знаю, что до сих пор не предпринята попытка создания биографии этого творчества замечательного поэта, прошедшего сквозь «Библиотеку юношеской литературы».

Предлагаю читателям «Смены» разные стихи Дмитрия Кедрина.

Владимир ТУРИНН

г. Днепропетровск

Если солнце рассыпало искрами,
Но должны ли мы нещастью отдать
Мир осколкам умершими,
Оставившими нашу гордость?

Если небо сегодня не пренесло,
Мы поймем — это так отого,
Что дорога, как небо, безбрежная,
К коммунизму его позовет.

Пусть мы знали и боль и потерпели
И душа наша гневом болна,—
Для него не широкие двери —
Мир гордостью откроет весна.

Он не вспомнит и укус подвалов,
Отравленных кошмарами нас,
Он узнает, что жизнь ульялась,
Над его колыбелью склоняясь.

Он пойдет не тропинками горными
Под осколками умершими лет,
И не будет знаменан черными
Ночь, над ним наклоняясь, шуметь.

Он прядет, молодой и упорный,
Мир под новую форму гранит,
Перед ним свои стаги узорные
Солнце в золоте ласки склонит.

И теперь, если вспоминаю искрами
Наше солнце —
Доломы мы отдать
Мальчишану с глазами лучистыми
наши нежность
и наши горы...

(«Грядущая смена» № 58, 1924 г.)

Песни

Будут дни над чумы-то дальними
Станом,
Над кочевьем Золотой орды.

Будешь ты шуметь у мутных окн,
У зер, где грусту плачущих изв.,
Твой последний золотистый покон
Расцветет над ширью тихих изв.

Эх ты, осень, ранние золота,
Ржавь травы с синих глаз озер,
Скоро, скоро листьями оттает
Мой стоятельный, мой угрюмый бор.

(«Грядущая смена» № 66, 1924 г.)

Григорий Корин

Я не заплачу.
И ты
Не заплачишь.
Кончилась радость,
Развенчана боль.
Будь в жизни
Большая удача,
Дай тебе силы
Оставаться собой.

Ставни закрыты,
Захлопнуты двери.
Дом мой,
Единственный дом,
Я тебя строил,
Я тебе верил,
Будь мне последним судом.

Не удержать в запрете
И не предстерьечь,
Переросли нас дети
На жарких спорах встреч.

Стромынки и Неглинной
Под взглядами старух
Ведут подруг в обнимку,
Не выпустят из рук.

И что мы остудимъ
Немые голоса,
Когда со дня рожденья
В нас вспыхнет небеса.

Помышлены дети
Сороковых годов,
Как никогда очеты
От шапки до носков.

Баюкано их горе —
Венеанская беда.
Называли, как море
Людская красота.

В детской больнице

Коммуна!
Что это такое!
Живу я слова в непокое.
Средь девочек однажды-две-тихих
Я воровал озирания, медлю,
И doch свою стараюсь в стороне
Держать, чтобы села что-нибудь

при мне,

Хоть яблоко, хоть долмы альпиния,

Ведь у меня полны-полна корзина.

Коммуна!

Что это такое!

Отводят дядь ладонь мою рукою

И даю малой не берет конфетку,

Меня с корзиной тянут из беседок,

И возвращается со мной к палате,
К однажды-две-тихих кровати.
Все снованные глиссоном корсетом,
Высыпывает яблони, конфеты
И дольни
На однажды-две-тихих кровати
И радостно выходят из дверей,
И взгляд ее — то грустный,
то лукавый.
За ней иду — пристиженный,
Неправый.
Средь девочек однажды-две-тихих
Я воровал озирания, медлю.
И капельки водь не склоняю я.
Коммуна,
Что это такое!..

Поздний ребенок

Они живут, как марафонцы,
Достаются им легкий бег,
С утра они ушли на солнце,
А головы белы, как снег.

Они подтягивают гири,
Вируг двери бегают своей,
Пока единственных из них в мире
Не вырастут из дверей.

Как солнечко, он милый, поздний,
И двое тянутся к сини,
Чтоб не сломят их восторг зоркий...
И это не знает сини.

У берега ногами плачут,
В спасительный одетый круг,
И радуются и трепещут,
Одолевая свой недуг.

Ребенок поздний, крупный мальчишка,
С рожденной слабленой крестец,
Его румянце так обманчиво,
Что двое извялились вконец.

И они не чувствуют, как хлопок
Их руки на занавесе дыи,
Ко гаснут быстро их ушибы
В прочноцком отблеске огня.

И все же протягивает руки
Отцу и матери, смеясь,
И эти радостные звуки,
Как золотой их прозапас.

Они мы сиим призывают
И властно проникают в сны,
И двое тихо засыпают,
К нему лицом обращены.

И только луч их веки тронет,
Они безропотно встают,
И снова двое в марафоне
Скорогоние за дверь ждут.

Они подтягивают гири,
Бегут, как пара пристижных,
Нет никого счастливей в мире
И никого печальней их.

Пушкин и жена

Когда закрылись с ним друзья,
Она разрушила дверь шаткой.
Он через дверь сказал «Нельзя!»
Нельзя, еще не в порядке.

Всегда закрывай он кабинет
На knock скорей. И не дай боже,
Чтоб Наташа еще из ложе
Такими гундами. О, нет!

Но все же кто-то уступила
Ей, перед дверью изнемогла,
И Пушкин вспомнил о мороженом,
И ягоды попросила.

И тут же целину яичек за нее.
Казалось, слышала прислуга —
Не должно пидорезить жене
В крови лежащего супруга.

Мороженку длигала он рукою,
Темпери и светил взгляделом,
И Наташа взтала рядом,
И не было любви другой.

„Н

аша задача — создать такую общественную организацию по охране природы и так разработать формы и методику ее работы, чтобы наш пример подхватили и дружинки по охране природы стали массовыми в стране».

Эти слова первого командира дружин биологического факультета МГУ сказали в 1960 году. Прошло 13 лет, что стало за это время с дружиной? Да-вай вернемся к началу шестидесятых годов.

Тогда, пожалуй, еще не было такого количества знаний о природе. Но, ставя перед собой задачу, что так продолжаться не может. В это время был принят Закон об охране природы в РСФСР. Однако, чтобы выправить потребительскую психологию, желание сиюминутной выгоды, нужна была огромная пропагандистская работа, а подчас и практические, действенные меры,

бывшего факультета МГУ на своей конференции принял резолюцию о необходимости создания дружин по охране природы. А 13 декабря собрание общественности и комсомольцев факультета постановило создать такую дружину. Это и было ее день рождения, отсюда исчисляются годы ее жизни и работы. Тогда же, в декабре, были определены основные задачи дружинны. Сразу был избран штаб. Деканатом факультета были назначены кураторы дружин. И вот в эти первые дни было создано пять кафедры массовых растений — и доцент кафедры зоологии позвоночных Константин Николаевич Благосклонов. Для этих ученых и по сей день являются наставниками, старшими товарищами и единомышленниками студентов.

Новая студенческая организация получила название «Дружина по охране природы».

Борьба с браконьерством в лесу, на реке, на

Птичьем рынке. Живое, энергичное дело, долга детективности и даже определенный риск — все это, конечно, привлекало молодежь. Нравились и ощущаемость, видимый результат. Сотни весенних и осенних «выездов» (так в дружине назывались патрулирование в определенном охотохозяйстве). Весенняя кампания «Тигр» и предновогодняя еловая кампания (декурство на московской синеве) — это были эпохи. Все это было в то время. Против стихии и серьезных схваток с браконьерами. Стояние под дулом, наведенным на тебя, и погони за нарушителями. Несколько членов дружинны ранены за эти годы, одного сбросили с поезда (и счастливо обошлось), таранили моторные лодки с дружинниками, инспектировавшие рыбаков на водохранилище. Сотни протоко-

в РЕД.

Вадим ОПАЛИН, фото автора

дружина

чтобы вразумить незнавшего или остановить злоуп刷ившего.

Идея создания какой-то активной организации в защиту природы, как говорится, носилась в воздухе. Конечно, в первую очередь это понимали естествоиспытатели: биологи, географы. Доцент биологического-почвенного факультета Московского университета Вадим Николаевич Тихомиров попробовал организовать некоторые студентов-биологов и вести с ними работу по охране природы. Делясь доходами, студенты-охотовики иногда выезжали на патрулирование. Однако все это было эпизодиче-

«Но вот кому-то из нас», — рассказывает Тихомиров, — пришла в голову мысль назвать новое, неизвестное общество «Дружиной». И все тогда становилось на свои места. Во всяком случае, это предполагало и наличия дисциплины, и четкие задачи и определенные права».

Дружина. Действительно, тут есть что-то и от большого: смелые русские дружины и добрые слава наивысших друзей по охране общественного порядка. А охрана природы, не является ли она охраной того же общественного порядка?

В октябре 1960 года комсомольцы биологического-

СЛУШАЮТ ГОЛОСА ПТИЦ.

лов, изысканные ручей и сетей, огромная разъяснительная, воспитательная работа — таков итог этой хозяйственной деятельности.

Но с первых же лет существования дружинники понимали, что есть и другие проблемы: посыревней и потрудней, и что существуют нарушители природного баланса более заумелированные, и болота с ними надо не «в лоб».

Первая и значимая уже в государственных масштабах проблема — это поиски и спасение проблемных Кости. На них были выделены представители научной общественности Москвы.

А в следующие годы — конференции по Кедровому граду и проблеме рационального использования кедровых лесов. Трудная, затяжная, в сопровождении людей, организациями, прессой борьба за Байкал.

В последние пять — семь лет остро встала еще

лагерей и др.). И заинтересованные организации, например, Управление лесопаркового хозяйства Башкирии, всегда используют такие сведения в работе.

Сейчас в дружине есть своя внутренняя проблема — смена поколений, передача знаний. Это выполнено в самой специфической работе со студентами: кто-то уходит из вуза, кого-то надо учить с азов. Да к тому же еще деятельность дружинников не может быть раз и навсегда поставлена на какие-то блестящие и нержавеющие рельсы. Нужно постоянно думать, искать новые формы, методику работы. Нужно постоянно идти чуткому впереди жизни и ее отношения к охране природы.

А жизнь не стоит на месте. 1974 год — далеко не то, что 1960-й. Сейчас заметно меняется отношение к проблемам охраны природы. И недавно дружина совершила очень важный, качественный скачок. По ее инициативе и в основном из ее «старичков» в МГУ был создан совет по охране природы. Задача совета — вести природоохранную работу не только на естественных факультетах, а и среди химиков, экономистов, юристов — всех, кто по своей профессии

ЗАСЛADИЕ ДРУЖИНЫ. ИЗЪЯТЫЕ У НЕДРУТОВ ЛЕСОВ И РЕК ТОПОРЫ, СЕТИ, ТРЕЗУЕНЫ — ЛИШЬ ЧАСТЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДРУЖИННИКОВ.

НА ВЫСТРЕЛ.

ПРОВЕРКА.

одна проблема взаимоотношений человека и природы — резко возросший поток отдыхающих, туризм. Ученые сейчас приравнивают фактор влияния людей на природу к влиянию промышленности. Сейчас этой так называемой рекреационной проблемой стали заниматься многие организации науки: Институту географии АН СССР. Но без широкого привлечения молодых студенческих сил этой необыкновенной проблемой физически трудно овладеть.

Естественно, не осталась в стороне и дружина. Ее, кстати, с самого рождения отличали хорошее понимание духа времени и профессиональное чутье на то, что будет интересно и полезно для молодежи — человеком и природой. В дружине была создана постоянно работающая экспедиция по изучению проблем туризма. Летом она уже вела самые серьезные научные исследования в Подмосковье, в Мещере, на Байкале.

На основе разработанных студентами рекомендаций (вместе с данными других организаций) можно создавать в таких других районах, как Подмосковье, разумно запланированную ландшафтно-парковую архитектуру (определенные посадки деревьев, отведенные места для палаточных

так или иначе столкнется с проблемой века — охраной природы.

Еще недавно университетская дружина была единственной в Союзе, а теперь их примерно тридцать (в Иркутске, Харькове и других городах). Они, как и московская, насчитывают по несколько десятков человек; это знающие и действующие люди. Важны для московской дружины, понимают, что настал следующий этап: пора комбинировать, разобщенную кручину знаний. Нужно объединять усилия, регулярно обмениваться информацией, выработать общую методику работы и т. п.

Первый шаг был сделан в сентябре 1972 года, когда в МГУ по инициативе московской дружины был создан первый Всесоюзный семинар студентов и молодежи природоохранных организаций. И это было здорово! Говорили о формах и организациях дружин, о борьбе с браконьерством, о пропаганде работы.

Вот это и есть, наверное, одна из главных результатов деятельности «Дружинами по охране природы» БиоФакта МГУ, то, что она является как бы матерью подобных организаций в стране, помогая им консультациями, советами, выездами своих членов в различные города. И пусть нельзя пока назвать это движением в студенчестве массовым, польза его несомненна.

НАПУТСТВИЕ В ЛА

Рабочая трибуна «Смены»

На страницах «Смены» из года в год публикуются очерки и репортажи о лучших рабочих педагогах-наставниках. Всего месяц назад («Смена» № 4) редакция объявила конкурс «Настоящие». Под этой рубрикой мы намерены помещать материалы читателей о людях, которые помогли им овладеть профессией, найти свое место в жизни. Закономерно, что люди, прославившиеся своими трудовыми подвигами, не менее известны и как наставники молодежи. Закономерно, потому что для истинного человека труда нерасторжима связь времен и поколений, он постоянно чувствует свою ответственность за то, в чьи руки передает со временем свое дело, будущее всей страны.

Наставники — первые помощники комсомола в воспитании рабочей смены. В постановлении IX пленума ЦК ВЛКСМ записано: «Считать важнейшим поручением партии первостепенной задачей комитетов комсомола, первичных комсомольских организаций всенародное совершенствование работы по воспитанию достойной смены рабочего класса и колхозного крестьянства». Во время работы IX пленума ЦК ВЛКСМ группе ветеранов труда были вручены высокие комсомольские награды. Среди первых награжденных Знаком ЦК ВЛКСМ «Наставник молодежи» были и герои наших очерков и наши авторы С. С. Витченко, бригадир ленинградского объединения «Электросила», Т. В. Федорова, заместитель начальника «Метростроя», А. В. Викторов, бригадир слесарей ГПЗ-1, В. С. Филиппов, мастер ГПТУ-40 г. Москвы, М. С. Иванникова, ткачиха Московской фабрики имени Фрунзе...

С бригадиром слесарей-сборщиков
1-го Государственного подшипникового завода,
Героем Социалистического Труда,
членом ЦК КПСС
Алексеем Васильевичем ВИКТОРОВЫМ
беседует журналист Эдуард ДОЛОТ

— Для начала, Алексей Васильевич, хочу вас попросить рассказать о том, как начинали свой трудовой путь вы сами. Это было, если не ошибаюсь, почти сорок лет назад. С тех пор производство во многом изменилось, усложнилось, и можно предположить, что сегодня начинающему приходится труднее. Так ли?

— И так и не так. Конечно, техника шагнула далеко вперед, освоились и овладели современным оборудованием очень нелегко. Однако же примите в расчет — и новичок ведь стал совершенно другим. Пополнение приходит на заводы образования, эрудированное, по большей части с элементами инженерной подготовки, агромаш — отсюда уверенность в себе, в своих силах и способностях. Мы в наши морговые годы были, мне кажется, поскромнее в своих мечтах и запросах. Не столь воспринимались, как нынешнее поколение, но зато, пожалуй, более дисциплинированные, обязательные. Я, например, вырос в семье, где понятие об обязанностях, о долге прививалось детям гораздо раньше, чем понятие о правах. Было нас у отца с матерью шестеро, отец работал на АМО (теперь Автозавод имени Лихачева), один нормандец на восемь ртов, и как-то самим подразумевалось, что после седьмого класса дорога ведет тебя в ФЗУ, а после ФЗУ — на производство...

— Многие и сейчас идут этой дорогой...

— Ничего, дорогам счета нет, и все хорошо начинаться...

— Следовательно, по вашему мнению, современный молодой рабочий о трудностях знает только понаслышке! Предодлевать ему нечего?

— Вы меня невероятно поняли. Трудности, несомненно, проблемы были, есть, и всегда будут. Некоторые из них отымают, но возникают новые... Вообще путь человека усыпан разрывами только в день свадьбы — во все остальные дни надо бороться, надо что-то преодолевать. Если же наш разговор о специфических трудностях новичка на производстве, то главная из них — войти в коллектив. Принимнуть к людям, подружиться с ними, завоевать уважение — все это очень непросто, очень нелегко. Это нелегко даже для взрослого, опыт-

ного работника, когда он переходит на другое предприятие. Могут вам признаться, я лично был виновником лишь дважды и на третий раз ни за что, ни за какие блага не согласился бы.

— Даожды за всю жизнь! Работали только на двух заводах?

— Три года на одном и вот уже тридцать лет на другом.

— Скажите, Алексей Васильевич, чем же объяснить, что у определенной части молодых рабочих нет этого стремления... как бы называть... к трудовой одиссеи, что ли? Согласно статистическим данным, текучесть кадров среди молодежи нередко выше, чем в среднем по предприятию...

— Я же говорю, главная трудность — войти в коллективы. Но если человек ее преодолел, если завод стал для него родным домом, он этот дом не покинет. Разумеется, это неизбежно, но входить, так даже легче. Языком говоря, я не вхожу, словно тихую пивницу, пополненные часы, а там — скорее на

ЛЫНЮЮ ДОРОГУ

волю, за прогодную. Завод, товарищи по цеху, их заботы — все, как говорится, с глаз долой и из сердца вон. В таких обстоятельствах и опоздать не стыдно, и прогулат нестыдно, и укоры безразличны: в одно ухо влетят, в другое вылетят. А прискуки укоры — можно и уволиться, никто и ничего не удовживает.

— В сущности, это трагедия...

— Конечно, трагедия! Особенно если в побочной ситуации остается одиноким. Ни подростка, ни цепи в жизни, ни настоящих друзей [дороговая компания не в счет]. Взрослый человек на новом месте работает, сразу ли не сразу, но осваивается, притирается. Все-таки есть уже жизненный опыт, квалификация, прыжки к труду. Подростку все эти ценности totally предстоит приобретать, ему на первых порах жизни не обойтись без помощи старших. Именно поэтому наставники для каждого юного новичка на производстве с первых же дней обязательно будут наставниками, старший друг, советчик и покровитель. Не случайно наставничество становится одним из самых распространенных общественных движений. В нем есть потребность, она необходима.

— Как вы считаете, наставник должен быть по преимуществу учителем или воспитателем? Иначе говоря, он учить решает или учить хотят?

— Чаще всего одно из другого неотделимо. Можно ли жить, не зная никакого ремесла? С другой стороны, достоин ли уважения специалист, кто пытается высокопрофессионализированный, если он нравственно пуст, если он врач, бракодел, плохой товарищ!

— Тем не менее функции и задачи наставника, вероятно, не всегда однозначны. К примеру, новичок, окончивший профтехучилище, уже многое умеет, к думается, поддержка ему нужна в основном моральная. Ну, а того, кто поступил на завод учеником, приходится опекать во всем, учить буквально с азов, не так ли?

— В принципе различия есть, конечно. Кстати, в эти самые годы я старался затронуть одну немаловажную проблему. Давайте принесем, что есть мастерство. По-видимому, это сплав теоретических знаний и практических навыков. Но издавна известно, что далеко не у всякого знания и навыков наличествуют в нужной пропорции. Вспомним, например, народную складу о парне, который учился кузечному ремеслу прыгнувши, методом, как говорят сказы бы, пасхального наблюдения. Когда он попробовал ковать сам, то получился у него только пшик...

— Сказка родилась давно. Однако, может быть, в век научно-технической революции знания, хотя бы и полученные «выпрингаду», значат больше, чем умеумы руки?

— Но скажите, руки пока еще в цепи, сколько надеются, всегда будут в цепи... Так вот, вернемся к новичку. Ему на первых порах, конечно же, не хватает глязомера, умелости, словом — слова, того, что дается только опытом, временем. Между тем человек он начитанный, возможно, даже теоретически образованый: разбирается в чертежах, знает принципы работы и устройство различных механизмов машин, инструментов, рабочего инвентаря — дают начальную пространственную операцию. Сложнее же, интереснее и высокопрактическую — отдают полному ветерану, который, может, и не получил в свое время широкого образования, но зато, как говорится, гордо пробился к вершинам мастерства.

— Выходит, что образование преимущества не дает? Если можно «горбом пробиться»...

— Ну, как это не дает, напротив, огромные дает преимущества! То, что вы сказали постыдно, — это неизвестно, что наставник — это реальный одолеет за какие-нибудь три-четыре года. И шагает дальше, выше, таков уж закон: дети непременно обгоняют отцов, ниче не было бы прогресса. Но мы с вами говорим о том наивальном этапе этого движения, когда молодой человек еще нуждается в опеке, когда ему пока что неизвестно доверять сложную работу. А у него же самолюбие... Он предполонен, обжен на свет наставника, потому что о себе чрезвычайно высоко. Как говорится, избыток амбиций при явной незадаче амбиций...

— Но в таком случае само присутствие наставника — это постоянное напоминание: ты птенец, ты беспомощен, тебе нет веры. Непрестанные...

— Но надо приспособиться — ведь речь идет о подростках. При всей своей напускной гордыни они понапрасну то-сам-таки ребята на производстве и очень нуждаются в сильном, опытном покровителе. Но, конечно, наставник должен быть чутким, не пропаивать высокомерия, не унижать достоинства своих подопечных.

— У вас, когда вы пришли на завод, был также хороший покровитель?

— Был, никого его не забуду. Андрей Петрович Власов, первый мой бригадир. Большой душой человек и редкостной самоотверженности. Он не просто учил нас ремеслу, он из нас грандиозных воспитывал, сознательных борцов.

— Алексей Васильевич, замечено, что молодежь не очень-то любит всякого рода назидания, поучения до наставления. Между тем «наставник — это слово «наставлять»...

— Добавьте еще, что обычно при словах «поучение» и «наставление» употребляют и эпитет преображенческий — «святое», «нудное» и т. п. Право же, такие поучения да наставления не только молодежь — их никто не любит. Но ведь наставлять можно и личным примером. Или, скажем, в откровенной беседе, в добром и честном споре...

— Один вопрос, касающийся, так сказать, технологий наставничества. Подросток находится на производстве шесть часов в день. Остальная часть суток, а кроме того, выходные и праздники — за пределами досугов наставника. Не этим ли объясняются неудачи, которые бывают не всегда, но у каждого воспитателя. Разве не было и у вас, что кто-нибудь из ваших учеников оказывался неинтересным нарушителем дисциплины?

— Разумеется, неудачи бывают. Наставник — не чародей всесильный. К тому же [мы и в этом правы] наставник не бона и не гувернер: он не может успеть за каждым шагом подростка. Не разрешит, чтобы тот, например, не блефировал, и с семьей, и учителями, рабочими, другими приятелями. Но мы знаем: основа человеческого характера формируется в труде, в общественно полезной деятельности, то есть на производстве. И именно в этой главной, я бы сказал, сфере действует наставник.

— Но все-таки не следит ли наставник хоть как-то контролировать внезаводскую жизнь подростка?

— Для появившихся тревожных признаков... Конечно, нельзя сидеть сплошь руки. Тут и на дам наведешься, с родителями побеседуешь, возвещь под наблюдение, с кем другают, как проводят свободное время. Но все это с соблюдением чувства меры. Наставник не должен быть назойливым, подозрительным — иначе он ранит свой авторитет, теряет право на уважение.

— Сейчас много говорят и пишут про проблемы так называемых «трудных» подростков. Но ведь ими являются не все подростки, а лишь малая их часть. Поэтому приходят на завод ребята из «благополучных» семей, «благополучных» школ. Они неплохо воспитаны — следовательно, обладают трудолюбием и настойчивостью, они активны, любознательны, оптимистичны. Словом, нормальные ребята... Обязательно ли прикреплять к каждому из них специального наставника? Ведь, возможно, они и сами, собственными усилиями сумеют преодолеть ту тягостную, как вы говорите, этап, когда знания у них есть, а скорости еще нет.

— Видите ли, дело не только в том, что знания есть, а скорости мало. Производство требует совершенно иного мировосприятия, нежели школы или даже профтехучилища. Тут должен произойти некий переход... В школе ученик — это ученик, а на производстве — это рабочий, где бы ты ни есть, это действительно работа, и трудная, если выполнять ее добросовестно. Но это работа, так сказать, на себя, общество оценит ее результаты лишь когда-нибудь потом, в будущем. Вот этой разбегут ребята с утра — их ругают! Себя, мол, обкрадываете, невеждами останетесь, если будите прогуливать. Ну, а на заводе спрос уже по производству, а не по времени. Тогда тебе твой рабочий прописывают. Всего этого общество обижаются. Раз он включен в число производителей, значит, на его производство рассчитывают, ее где-то ждут. Производство — это целочка. Вышел кто-то из строя — разрывы в цепи. Не вытишились, сколько полагалось по норме — опять-таки разрывы в цепи. Вот это сознание долга, высокой ответственности перед товарищами по труду, перед народом и государством приходит к подростку обычно не сразу. И привык его, это сознание... — задача наставника.

— В школе функция наставника выполняет учитель. Дома — родители. В профтехучилище — мастера и преподаватели. И, наконец, на заводе — опять-таки наставник. Не много ли? Говорят, у семи никнейк...

— Много, много... Не в том суть. Кто они, наставники подростка, — вот в чем вопрос. Что несут они в себе, какие качества души передают от них к младшему поколению? Часто напутствия, полученные в юности, остаются в нас на всю жизнь — тем вине, что это были верные напутствия, чтобы они указывали действительно верную дорогу. Вспомним сейчас свою школьную учительницу Наташу Николаевну Соловьеву. Она была одна из тех, она открыла нам подлинную красоту жизни! Как учила и к каждому наставила подсказку, какого убедить... Вот хотя бы такой штук: я не курю. А вырос на Андроникове, это один из самых что ни на есть районов старой Москвы. У нас ребята очень рано начинали курить. И я было началь, да тут же и Борис Николаевич забил. Убедила и покоряла, а ее просьба для меня стала Библией. Так вот, вспомни Невероятно, конечно, достижение, но просто и слову приаться: кто из людей привнес мне, как долгожевы подчас бывают некоторые полученные в детстве или юности наставники?

— По правде говоря, мне кажется, в данном случае причина не столько в том, что вам повезло на учительницу, сколько в том, что она повезло на ученичика.

— Не знаю, не мне судить... Конечно, ученик ученику рознь, как и учитель учителю. Но так и иначе у любого из нас найдется в памяти хотя бы один человек, которому хотелось подражать, который был достоин, особенно высокой степени уважения. И потому, сколько бы ни прошло лет, это уважение всегда остается своего рода кирпичиком в фундаменте характера.

МАКСИМ ПАКЛЕНЫКОВ

Михаил АЛЕКСЕЕВ

Минувшая «эпоха» понималась многою тучей узлов в человеческих судьбах. Всё ждало «всплесков»войны, когда, думалось людям, эти узы сорвались бы разом. Но живое из них не только не разрывалось, затянувшись еще туже и потянувшись в стороны, но, напротив, оно становилось всё более и более «жестким» в своих связях. Было же, что сама война, будь она

Действие происходит в 1947 году.

Фене почему-то стало жалко Тинки, и она сказала:
— А ты бы, Тимофей, телеграмму товарищу Сталину послал. Так, мол, и так, Иосиф Виссарионович, погоди маиненко с окончанием войны-то. Дай и мне, Тимофей Непрхиня, повеселиться. Как же, мол, без меня...

— Ну и пословец тебе! — пропищала Тинка. — Хоть ты с Феникой, в бригаду у нас, а ум-то тебе бабий.

Но Феника не отставала и вспоминала — вопрос о не смиренных. Тинка вспоминала в Великой Отечественной войне больше в тракторной бригаде не поддавалась. Чем же касается ажурной короны, то никто вроде бы и не заметил ее исчезновения. Буркула, правда, что-то Катерина Ступкина, да и тогда, знаете ли, пропищала. Но и эта первая на слое ворумаха быстро притухла — да может быть, потому, что своим глазами видела: корона была широк трубы, суживалась кверху, когда она украшала новую жевелюровую крымскую теплую же для ползучих и змеиных ядов. И вдруг — вспомнила Феника — вспомнила, что это было сорок лет. Сорок лет бескостяму, из беспримитной баклы, кавказерийского седло — только поддергивали бы перинушку и беспримитно утратившей бодлю — только стояла кровлю. Местами анты жутко и сорванным прохромали, скрежетали или, заражены струйкой

В прихожей приветливо сидела улыбающаяся женщина — мать Сергея. Она сказала, что Сергея не было дома, и предложила ей поговорить. Мать Сергея сказала, что он уехал в Краснодарский край на каникулы, и попросила ее вернуться в Краснодар. Мать Сергея сказала, что он уехал в Краснодарский край на каникулы, и попросила ее вернуться в Краснодар.

Рыбаки Моря Севера: погоды для прогулки?

— Всё что же... Максим Савельевич, сторожем приправления?
— Не то чтобы... А ты откель, сынок, меня знаешь? — Старик с еще большими любопытством стал обшупывать глазами Сергея. — Парень ты, кажись, не наш, не тавровский, а меня по имени и по отчеству называй, лад? Как же это?

— Эх, дядя Максим, дядя Максим! Вспомни, кто в тридцатых годах с тобою вместе циркенщиком работал, кого ты, бывало, в своем суде по голову за дуракиной охаживал, кто с твоими смычковыми-близнецами, Ванькой и Петькой дружил, в легкой кавалерии по охране урожая был, кто по нечакинности

чуты было твою хату не подпалила,— неужели и это не помнишь? А кто в твоей бане прятался, когда лесник Колымага по всему селу рыскал, отыскивая поборника? А кто...

— Погоди! — замягкx глазами Максим, отаялся, запоюдало додгадово. Ну, чего ты зачастия, стрекочень, как Штимона, а еще капитан! Кто-кто? Дай подумать — припомню, кто ты есть и чей будешь. Ведь вас, парнишев, Припомни

— Наконец-то! — властно перебил его Сергей и, взял старика за худые

— Пакленко! — радостно вскрикнул Сергей и, взяв старика за руку, остро вынырнув из-под гимнастёрки, плача, отвел к скамейке, на которой присел и сам.

шевлением.— Мы с твоим отцом, покойником, были дружки-приятели. Не только тебя, но и вас краиной угощали в чужих садах. Куда от нас денешься! Больше, правду сказать, мне велстало, по дурачеству моему. Твой-то батюшка из

вестный был плут — меня посыпал к яблоням, а сам у пласти, в безопасном местечке, притулялся. Я, говорит, буду на карауле, а ты, Максим, дез. Как мол, заняжу хозяина, сиисту, дам тебе знак, а ты и удари. А где мне слу-

шать тех сигналов, коля я заберусь на самую вершину и жаждично там, не поливая пазуху... Может, отец твой и смешил когда-да, но только я-то не слышал. А хозяин сада тут как тут. Ну, и отдерет, обработает этот краинский по всем штампам... А Колякин, и слышишь — чисто был покойник быстрым

всем правильн. А Колкин и след простыл — инстер был нокомпик, быстрый его, мотри, никто в Западоне напрем не бегал. И надсмешник был первый Увидит на другой день меня, спрашивает: «Может, Максимка, еще разговаривать с Головорогой сам?» — говорит так, а самого, разбийника, всего трясет от

— Он что, действительно был такой хитрый, мой батя? — спросил Сергей.

— По этой части, сынов, равных твоему родителю в нашем Завидове не было.

— Я слышал, что ты, дядя Максим, всю войну почтальоном был? — пото-
зя Соловьев, — а я тебе сказала, что нет. Это утверждение было

— Да я, Сережа, и выные почтальон, будь оно недадю! Сторожем-то я ту по совместительству.

— А куда ж деваться? — продолжал Максим фразою, с которой он обычно начал и которой оканчивал любую свою речь. — Теперь у нас все что-нибудь да сошевшиает. Не люди, а какие-то совместники, право слово! Тишика Неприязни и тракторист — в механизации, а Присыпкина Агафон Емельянович — в почте, по-нашему... Сидит на месте, как на кресле, — и не может знать, что

III

П равление колхоза находилось в том же доме, что и до войны. Но дом, некогда покинявшийся у завидовского сцикспицера, сейчас, как и все дома в Завидове, был уже не тем, не дразнил своих бедных и — по необходимости — скромных коломеноголовых соседей зирко-зеленою железнной крышей с петухом на самой ее вершине, вырезанным из белого оцинкованного железа, каким-то местным искусствником, именно петух придавал дому особоен заносчивый вид: не кичился он на тесперь и высокой, сложенной из кирпича стены, акулы же, выставленные на первом этаже, на какое избежание не прежде, чем переступить пороги и своим крыльями, не издавывавшими им малейшего скрипа под любой тяжестью, — пророчем, до тридцатого года, то есть в то время, когда дом не был реквизирован и принадлежал одному своему хозяину, не всякий солдат отваживался на него — сам батюшка и его домочадцы появлялись на нем лишь по большим праздникам да и то в летнюю только пору, когда крыльцо сплошь обивалось дверными и цепкими пурпуром дикого винограда и преобразивалось в подобие партера, где можно было и поклониться в кругу семьи и близких ей людей почечевицам и отвести душу в нетронутую, тихую беседуницу. В остальное время использовалась другим крыльцом, которое понижено и пускало людей в дом со двора.

— Теперь, ини аругого крылья не было. Главное — поручни сидя для ворот, а то, что было со дверью, само ушло под землю вместе с нижними бревнами дома; колзликом же надо подниматься по ступенькам, достаточно лишь нынуть входной двери ногой, и она всплывет в «чаду», прокуренную прижухою, где в окаждении наряда собирались мужчины и с наслаждением затягивались крепчайшими самодост. сабрина ею посланными и не менее крепко деревенскими скобами. Это зимой. Акже дверь не закрывалась вовсю, а чтобы она не подхлестала попусту, раскачиваемая залстыми нетримами, ее снимали с петель и прислоняли где-нибудь к гладкой стене, там и покоялась она, дававши подхлест, кудым до стуженной поры.

И серебристый путя куда-то у遁ел с крыши, и труба не выглядела из столь монархии; акустура ее корона пригнувшись одному механизму из МТСК и дядя Кола, становившийся с Феней Угрюмовой, махнул рукой и обменял эту красоту на обмылокомпакт, да и все не новый, но все-таки исправный радиаторчик, да давно остановившийся трактором из женской бандитки—на исходе восьмидесяти рапид на фронт подицю подмели последних механизматоров, бронировавших и тех, что имели отсрочку по физионим причинам.

Через какую-нибудь неделю после выходит дядя Колином сказки с эмблемой макетом в военкомате уже приготавливается повестка и для Тимофея Неприятка, с тем чтобы он грызок, да опоздала принять в Заводово: война окончилась раньше, чем военный успех ее, это Тинкин повестку, подписать. В Фенинске одна из асюзок ужаснулась обрадовалась к победе и тому, что Неприятка бороды не давало девчонкам. Горевал, кажется, только один Тинкин. Во всяком случае жаловался он на хандру в юбках, совершенно съеденные.

— Но везут мы, бабы! Не успел на войну. Тогда бы не то трою, Егорова, Кантария и еще какой-то, фамилию запомнил, не они, а я водушка был, бедное знамя над Берлином, это уж точно, как пить Дать. Я бы на тот рейхstag быстрее облезвики вскрабыкался, никто бы раньше меня не смог. И я бы на русской Золотой Звезде не у Егорова и Кантарии, а на моей бы груди блестела! — И, сказав это, Тинка выплюнула свою грудь, не увеличившаяся никакими наградами исключительно по олончности райбовенкоматовских писарей, и, додавшикося оформить повестку месецами раньше.

— Женщины подыгрывали:
— Первым, стать бы, искочи на рейхстаг?
— Непременно! — решительно подтвердила Тинка.
— Это со своей-то киад? — сомневалась Мария Соловьевна.
— Про болачики в таком разе забыласьки, — резонно заметила Тинка и, мстя Соловьевой за обидный вопрос, напомнила: — Да ведь и ты, Мария, что-то не

— Ничего промеж нас такого не было, понимаешь? — И Соловьёва так ошипала Тишку осатавившими вдруг глазищами, что тот сейчас же согласился:

— не было, не было, Марем! Это я пошутил.
— То-то же. Ты больше, Неприхин, не шути. Время для наших с тобой шуток, кажется, окончилось. Понятно?

Рисунок Александра МЕНЗИНОВА

прозывается. Раз несвобождённый, то задирил тебе за такую должность не полагается. Да только от обизнаностей никто человека не ослабоенит. Как чуть что мы к нему, к Точке... Голова у этого парня, скажу тебе, Сережка, хорошо устроена и крепконо держится на плечах. Неспроста, видать, Федор Федорович Зинбин да и другие из района, когда приезжают к нам, присматриваютя к Точке. Прискальзывают что-то там в уме, но ничего заберут к себе. А жало будет — хорошая бы смена для нашего Альбина была! Может, как раз об этом — подумаете вы. Зинбин же тоже не изменился — стоял, альбино. Ну, Точке же не хватало же такого мужика на фронт, спасибошем бакан. А потом Настю Вольнову! Она, правда, теперь не Вольнова; а Шипичка, дааркана-таки деваху Сынка Шипич, соскатал чуть ли не в первый день своего возвращения свойз Задаркини, да не совсем — в доме удержал не сумел. Насти у нас и трактористка, и секретарь комсомольской ячейки... или как там теперь ее называют, такую должностю?.. А давай ли я ей сопла утира — поймай, бывало, на улице, замкну двумя пальцами носико и супер у нее их... эхты самые. Да-а, вот, Сережка, какие они, deal.. О чем бишь, я! Умело старого пустомяда достало в сторпур... Ах, да, вспомнило, это мы с тобой о совместителях толкуем. И, Сынок, ты же почтальон теперь и прамлечевский сторпур, и добровольный финансист.

Последнее слово выстремлялось у Максима Пакленникова как-то уж очень значительно и должно быть, излишне громко, потому что председателя здера скрипнула и грохно освеждалась:

— А потешка нелаз?

Принято это замечание к сведению. Максим упернул голову почти до шепота, на повествование своего не прервал — продолжил неторопливо:

— Легко сказать — финансовый агент. А тут, сынок, особенная споровка нужна и подходит к людям...

— Налоги, да, собираешь, дядя Максим?

— И налоги и подпиську на заем.

— Ну, это — дело хлопотливое.

— Но только хлопотливое, Сережка, но и щекотливое. А куда девченьки! Уговоря Агафону Берись, говорит, за это дело, Максим Савельич, и точка, ты, мол, в любой дом вхож... Ты вот, Сережка, на гимнестику мою поглядываешь, откуда она у старика! А ведь это его, Агафона, подарок. Сам принес лично из дома ко мне. Одевай, говорит, товарищ финансист, боевая эта справа нечестивая, а то вдруг воротят на большие автомобили. В солдатской форме говорят, тебе будет спущено все звездочки с бабочками, да и погончики, да и каштанки, да платить налоги. И присоветовал, потому не смыть, с ними человек солдатик, представительный выглядит. Ты, говорит, в них, Савельич, не финансист, а прамтюшмарш. Действуй!.. Ну, и я действую, от зари до зари хожу по дворам и все воюю, уговориваю, увещевая, стыжу, умоляю — видишь, охрип, как старый барбос, от таких уговориваний. В войну, скажу тебе, Сережка, легче было. Зайдешь, к примеру, к Катерине Ступинской ал там к Штолпакхе, на что уж складывались бабы, а и тем молвиши, бывало: война, бабы, Красной Армии надо помочь. Вздыхают, исплакнут когда — не без этого... но достают узелов из своих сундуков, выбрасывают последние денежки. Куда ж деваться — война! А теперь сорок седьмой год. Теперь из них так просто не выцарапаешь ть рублишки. Моих правов не хватает, и командирские погоны на ту

кладку Штолпакху не действуют. Она сама себе командир, как откроет рот, и такими словами зачет тебя погибать, что не привез господи! Отkel только они у нее и берутся! Шпарат, как из пулумета, и конца этой словесной ленты не видать. А через плефене ее соседка Катерина открывается наизуб. И стоит Максим Пакленников под перекрестным огнем, как, скажи, на боевых позициях. «Война», — кричат, — окончилась, дай ты нам, Максим, немножко вздохнуть! Все же ты же из нас выпоткал! А я что для себя нечто собираю тот налог для лаймы! Надо же, чтобы я окрикнул нас, помогает Советской власти! Плюнуть еще, повернут, обматерят меня иной раз по-мускии — за войну научились этому блюдеслу! — а все-таки платят.

— Ничего, Максим Савельич, пройдет годок-другой, люди станут побогаче, и финансовым агентом будет все-таки легче, — пытались подбодрить добровольного инспектора Ветлугин.

— Э, сынок! Год от году нашему брату, финансенту, да и вообще всем руководителям будет труднее. На войну и на разрушу не солжешься, а люди захотят немножко и для себя пожить. Понял?

— Понял, Савельич, тут кто не понимет. Расскажи бы, как сам-то живешь.

— Жжу — куди денешься, ежай бог смерти не дает.

— Ну, зачем так! Сразу — о смерти! Я на нее, дядя Максим, вот как падалась!

— Это верно. На войне она, проклятая, ни на шаг от солдатика. Но ты, вижу, сынок, все же таки обманул ее, перехитрил, обвел вокруг пальца косую, а моя Ванька и Петя...

Максим замолчал, винг потемнел лицом, словно бы отшибился. Затих и Серега Ульбака, которая поселилась на его ание, как только он увидел Пакленникова, и склонила уздечку на протяжении всего их разговора, теперь склоняясь к ушам Сереги.

Серега коротко помяла Ваньку и Петяко по годам своего агентства, а что было с ребятами потом, не знал. А они выросли парнями толковыми, окончали семисмекту, вступили в комсомол, выучились на трактористов, в первый год войны пахали, сеяли, убирали хлеб вместе со стариками, женщиными да немногими брошенными мужиками, а в сорок третьем устроили команда стоявшей в Завидово воницкой части взятий из них в экипаж «Красного Завидова», танка, купленного из сбережений колхозников.

Принята все меры предосторожности с тем, чтобы его не услышала жена, Максим и сам подключался к этой просьбе. А в начале сорок пятого в даме-Максиме появился Семен Семенчеваров, называть который был запинок, без подтверждения спортивного Максима, так и осталась наименованием. Петяко и Ванька вместе со своими танком и тягачом смотрели на отца с удивленной фотографии, смотрели и, искогзазы, репинственные слова распоряжались с ними, спрашивали этины отчийными соколиными очами: «Ну, как, батя, хорошо? Ну, вот, а ты говори!»

Извещение об их гибели задержалось в долгом пути и пришло в Завидово уже после победного дня, в середине мая, а Максимова жена Елена, которая каждое утро выходила на дорогу и зорко глядывалась, не появится ли на той дороге за селом ее близнецами, узала о похоронки гораздо позже. Оберега старуху, с каких уж пор жалующуюся на свое сердце, Максим вскочил, выжидая какого-то особого случая, когда бы такой удар мог быть хоть кандел-

Воспоминание о войне

Мир торжествует в свежести
соцветья,
что отворил пророчеством плечо
и рассечет, жужна над нами, ветер,
чтобы и ты со мной взлететь смогла.
Два перышка в руке — как это

просто,
и мы уже привыкли к небесам! Прослои, бесплотно,
и в настоящем нет забвенья нам.
Нам только бы простор, сильнейший
мимо, и мицданье, чтобы нас обнять.
Мы — как созульи. Мы —

необщимы,
но в нас с тобой земное не разъять.

Неслыши от беды
ты отступь, как звук.
Холодный блеск воды
твоих носитесь рук.
И осеня. И покой.

До времени — расчет:
вот горестной рукой
вышибаю солнце свет.
В заветной туесок
грибов насыбрай.
И краски на глобус
тихонью намотай.
И снова отступь
от вылетевших припас,
до слова дотянись —
не до конца секчас.
Не вспомни соком —
с собой наядне
найди сплю потом,
что с тайной наравне.
Чтоб в них, как в родине,
просвещивало дно.
Чтоб тайна в тайнике
созрела, как вино.

Пречистый добрый снег — на урожай
он белой добротой затмын
пространство дня,
и вербы окрыли, и стал забой
сущей,
и прорезы очей расширил, и пленя.
Нам чистота нужна — для помыслов
и дела,
и эта ширь нужна, чтоб различить
тот инг,
когда, вплетенный в снег, летят легко
и смело
блестящий ветер вьюг, засыпая
дальний клик.

То к жизни и любви раскрыты уста,
Что скрипку чисто погладил такое,
Чтоб озарить прошлые лета.
Не знали мы ни скучы, ни покоя.
Чтоб мы гордым и им сутас,
Ни лень, ни глоба, ни высокомерье
В минувшем не оставили следа.
И чтоб любовь не знала недоверья.
Чисты в любви, трудом освящены,
Открыты, как овощи на ладони,
Мы, как деревья, вьюсь волесены,
Весь мир гимн в звуко-зелени.

Он превозмог простор,
и в сумерках бесплатных,
не видимый никем, взметнулся
снежный пух,
и в снежных миражах, как в душах
перелетных,
он крылья распростер в летящих
зеркалах.

Вот потому-то зима извечного воюючи
и ощущаю снег, как твердь земли,
навек.

Как возрожденный свет, мы
воскресаем иночно:

в ликиющих очах — слепящий белый
снег.

Открыты глаза — и мне открылся
день,
простор зеленый в цепочках птиц.
А я первым на белый потопах
он склонялся брат, гигантской огромной.
Мой старший брат, сегодня от тебе
прозрачный ветер встает принес
с утра,
оттуда вести присыла, с какого поля?
Одуванчик золотой
грешит дальней дорогу.
Из ведра вода прольется —
нет, и нет, и нет тебе!

Согнувшись мать среди зеленых
тряндцату весну песок не входит...
Одуванчик золотой
грешит дальней дорогу.
Из ведра вода прольется —
нет, и нет, и нет тебе!

Голубизнай заполнится онно,
стеклянныи сном прославь свет.
И скринит половина под стопы,
вдруг вздрогнет под стопы
половица.

Одуванчик золотой
грешит дальнюю дорогу.
Из ведра вода прольется —
нет, и нет, и нет тебе!

Передой дорогу дважды,
шаг мой едва станет тверже,
заявку умы потуше — за тебя
и за себя.
Стать бы мне звоние сильнее,
вдвое мужественнее, брат!

Перевел с украинского
Борис АСАРАГОВ.

Юрий СМИРНОВ

Воспоминание о Летнем саде

Ты раннюю помнишь побудку —
Серебряный звонкий свисток,
Когда ты срымалась, как будто
Все тело пронизывало ток!

С отложностью механизма
Дослыхи свою надевал.
А в стрельчатость оконо,
как в призму,

Рассвят ленинградский атвакал.

Бежала дятловая рота
По стертым торцам мостовой.
Вот век, что читал Дидерот
(Когда-то прочтим с тобой!),

и калиграфичность ограды
Слегка суховата, за ней
Осенинго Летнего сада
Разрезаны купы алей.

Мелодия старых курортов,
И неба алочкова синь,
И строй полуготовых курсантов
Среди обнаженных богинь.

Я был в Ленинграде курсантом.
Стоял в карауле не раз
В соседстве с пожарным гидрантом
И бочкой песка запас.
Безвкусно, как вино в бокс
В здании находясь с ксером
Имудоста длинную опись
И тоистый албарий замок.
Казарма меня поражала
Огромностью мрачной своей,
Величем темного зала —
До этого тут был музей.
Когда мы шагали с ученица
И Долиников наш запевала,

Испытывал в восхищенье
И в хоре себя забывал.
Глядел я в грядущее смело,
И в ходя крещенский и в зной
Учебы, виной и драмы
И зори не искасаны мои.
«Курортные годы прошлились,
Отринились, словно вино.
Один в лейтенантстве осталась,
Другие в майорах давно.
В каторги моя злюют,
Иная влечет копей.
Теперь-то я знаю, что это
Короткая юность моя.

Теперь доказано по практике,
Что разбегаются галопы,
Чтобы по итесеные веночки
Внови повстречаться в бесконечности.
Сначала были мы в смущении,
Узнан про «красное смещение»,
А иные снова улыбаются!
И все куда-то разлетаемся!
Звучит хоть страшно, но красиво,
Что мы живем во время взрыва.
...Июнь. Чирканье пернатых.

Что б ни было, хуже не будет.
Будь весел, как греческий бог,
Пока тебе смерть не отступит
Трепещущий сердца ком.

Что боль в этом экипаже приятна,
Погибешь ты, покинувши свет,
Когда возвратишься обратно
В компания звезд и планет.

В бескрайних вселенных просторах
Ты будешь сноязыть, как сигналь,
Бесплотен, как образ, который
Однажды по счастью сыграл.

...Лети шиль и живи друг к другу,
А в глазах — надежда и страх.
И гременьких их погремушки
В тоненьких, как спички, руках.
Через час было все готово.
Деловитые мастера
Перенурят — за дело сноса.
Лишь болтливое росло гора.
Тихо двигались человечки.
Что там мешают? Давай бегом!
И дымились стравные печи.
Соседи копоть кругом.

Листья съежились, почернели
И греют, точно бубенцы.
Но вернутся опять капель,
Зеленя, винишь и скворцы.
Все в зелене, все в зелене.
Заветы пансы с труса.
Только где-то живут в свете
Исполнители-мастера.
От возмездия забылись в щели,
Ну, а иные — в воду кончи...
Листья съежились, почернели
И греют, точно бубенцы.

Скрылось под сенью садовой,
Как житель подводных глубин
Расплощенной многоглупой
Прозрачной толщей годин.

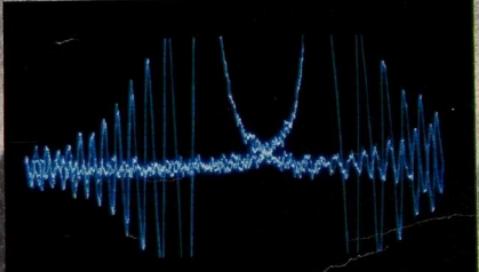
Струящийся солнечной пыли
Столбом световых листьев
И сумрак темниты проблем,
Птичино ложася на траву.

Грохотом состав многоносый.
День канул, лучами прогрет,
Как облако, что светенно
Проплыло, растияло. Нет.

„ГЕНЕТИЧЕСКИЙ ГОНД“

Александр АЛЕКСЕЕВ,
Виктор САКК (фото)

ХОД ЭКСПЕРИМЕНТА НА ЭКРАНЕ ОСЦИЛЛОГРАФА.

Город открылся впереди. На высокой макушке скоупленного краинского стоял леса — деревьям и влечу гимнокаменные створаживые башни корпуса института. Почти вертикальная линейка шоссе несет будто в небо, а внизу сабельными серебром звезды Ока, подрезая острой кромкой приносят Приокско-террасного заповедника.

Пущин-на-Оке. Или «Франкфурт-на-Оке» — говорят местные остроспо-

вы, отдавая заслуженную дань уважения замечательному учёному — академику Глобу Михайловичу Фрэнку. Ведя в какой-то мере город — его детице. Не ищите точек на карте мира. Город еще очень молод и невелик, но здесь утверждают, что стоит он на самом высоком месте.... в Московской области, и вполне понятно

стремление служителей Ее Величества Биологии занять соответствующее место в мировом масштабе.

«Десять лет назад в Пущине-на-Оке мы начали концентрировать силы ученых на решении новейших проблем биологии», — говорит заместитель директора Центра биологических исследований АН СССР А. Н. Черкашин. — Прежде всего нужно было сконцентрировать научных сотрудников различных областей знания в пределах одной организации для работы над общей научной проблемой. Поэтому Центр объединяет всевозможных специалистов, и здесь лишь около третьей части всех исследователей занимается генетикой. Но и эти ученые у нас очень много: молодежь, так что по своему демографическому составу Центр можно назвать молодежным.

Смысль объединения еще и в том, чтобы иметь такого комплекс лабораторий и институтов, который мог бы охватить всю проблему, все направления в целом.

Кроме того, это было вызвано своеобразной революцией в биологии, которая произошла два десятка лет назад, с вожделением в эту науку математиков, физиков, химиков и целого ряда технических методов исследования. Отромкое значение имело внедрение электронно-структурного анализа. Ведь именно с его помощью ученым удалось расширить представление о функциях деятельности живого организма, то есть о том, что такое, где и в виде чего выражаются определенные основные закономерности и особенности свойства и наследства главных видов живых организмов. Затем электронная микроскопия значительно расширила наше представление о мембранных: надмолекулярных соединениях, функциях которых чрезвычайно важно для существования и размножения организма, так как это — главное зерно, связывающее ее с окружающим миром. Математические методы разре-

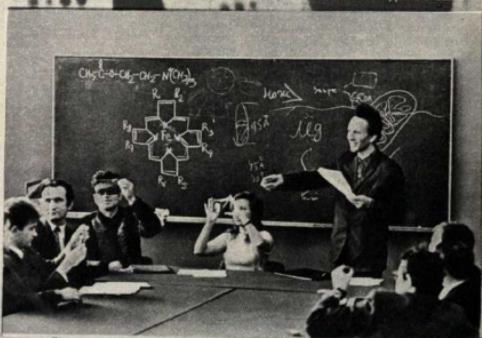
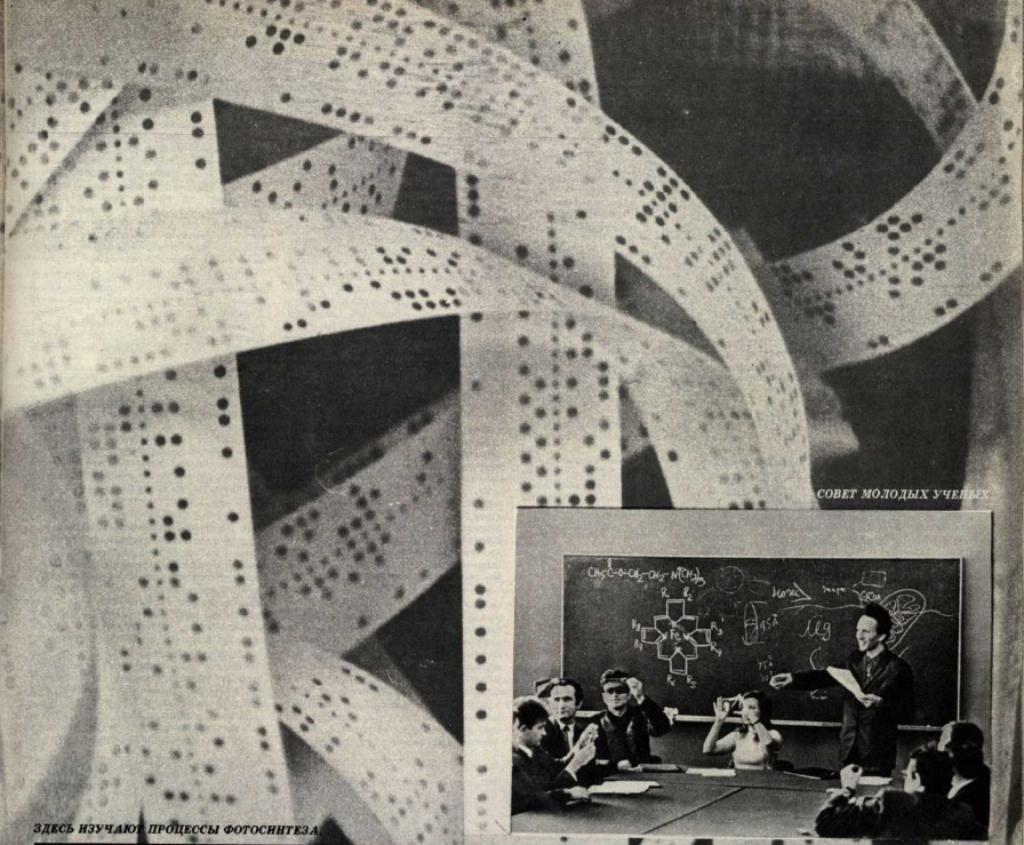
ЛАЗЕР ПРОНИКАЕТ В КЛЕТКУ...

шили задачу моделирования сложнейших биологических процессов, что позволило исследователям по-новому оценить и разработать многие загадки живого организма.

Словом, наш Центр — своего рода плод этой революции. Назрела необходимость концентрировать силы и средства для решения важнейших актуальных проблем молекуларной биологии с помощью самых современных методов, приборов и инструментов...

Если бы художник задумался на минуту об этом городе Пущина, он попал бы в весьма затруднительное положение. Действительно, как объединить символы всех наук, которые собраны в Центре биологических исследований? Математика, химия, физика, биология, медицина, почвоведение и многие другие области познания сплавлены в единый монолит. Пять институтов, пять лабораторий, пять институтов — как скандал купан для удара по твердые науки. Но этот удар наносится единодушно. Без барабанной дроби и крика фанфар. Был в эти же лабораторий и молчаливым переговорами неонок на панели ЭВМ, а широке южных странах в синих цепочках формул. Он даже — в безлюдные днишки уединяется работать. Тогда мысль вспыхивает в головах будущих Плюшовых и Лобачевских.

Все академики когда-то сидели за партами. Отсюда начинается путь к «большим» наукам. Но потому ли именно в Пущине построена экспериментальная школа Академии педагогических наук СССР, где дети с шести лет надевают на голову математические рамы? И как знать, может, пение птиц — где-то в будущем даст огромный диплом. Но до него пока рано. А сегодня это обыкновенная школа, только здание необычное, да электронно-счетная машина и великолепный спортивный

комплекса отличают ее от других. И здесь устремленность на будущее, на быт новых детей рабочих, инженеров, научных сотрудников. Здесь не предвзятости отбора учеников и нет азартов на каком-либо спортивном состязании. Важна гаражная личность — главная цель педагогов. Для детей здесь все: занятия спортом и музыкой, кабинеты для технического творчества и великолепная библиотека. Наверное, именно такими будут школы нашего завтра, которые сумеют подготовить достойную этому завтра рабочую, инженерную и науч-

Задора подрастает поколение не обращается за школьным порогом. Очень скоро в Пущине откроется филиал биологического факультета МГУ, а сейчас, начиная с 3-х курса, московские студенты несколько раз в неделю приезжают сюда на учебу, здесь же проходят практику, защищают дипломы. И не абстрактный «кто-то из всех», а тесно связанный с разработкой той или иной конкретной проблемы научного центра. Да и весь процесс обучения в Пущине построен таким образом, что введение в основные темы, статьи к специальным лекциям, обсуждения в студенческой аудитории. Спринтерские темпы прогресса неумолимо требуют готовить научную смелю высшей квалификации, что называется, «со знаком качества». Для этого необходимо «заполнить» память не только по анатомии и чистой биологии, забираются в кирзовоплетеные интегралов и добры Физической химии, туда, где на стыке науки скрыто до поры самое драгоценное для исследователя — истина.

За время учебы и подготовки диплом будущий специалист вникнет во все тонкости своей профессии, а затем может выбрать то направление, в котором ему нуksenо совершенствовать знания. Тогда для многих из них Пущино станет родным городом. Взаимосвязанный комплекс «наука-обучение» не ограничивается рамками вузов. На следующей странице мы попробуем сделать выбор: академическая или институциональная. В обоих случаях это для года направленной учебы. Только в отличие от аспирантов стажеры не являются «старшими», дальными земляками, а лишь

серации, у них несколько иная задача: стать высококвалифицированными специалистами в конкретной области исследования.

По словам одного из самых заслуженных ученых Центра — профессора Бориса Ивановича Миронова, «есть в биологии понятие «циркуляция генов», «генетический фонд». Обновление — приток как бы свежей крови, вызывает повышенную активность и жизнестойкость организма. В какой-то мере можно отнести это и к нашему научному Центру. Приток в лаборатории своих сил в сочетании с инициативой и трудолюбием — залог будущего успеха».

Большое подспорье для творческого роста научных кадров — Совет молодых ученых и специалистов, возглавляемый кандидатом наук Геннадием Мироновым. Вот несколько строк из «пополнения»... «Основная задача совета — содействие руководству Центра, партийным, профсоюзовым и комсомольским организациям в коммуникации с научным сообществом. Помощь в продвижении научных идей, повышение уровня ее научных знаний, активности в общественной деятельности, в подготовке научной смены...»

— За сущим параграфом кроется огромная кропотливая работа, которую ведут комсомольцы Центра. Совет стремится охватить не только научных сотрудников инженеров, также —иров-исследователей, но и лауреатов высоких образований, студентов старших курсов. Для них проводятся семинары, конференции и дискуссии по общественным наукам, организованы кружки, где изучают марксистско-ленинскую теорию, философские вопросы естествознания. Все это необходимо молодежи для овладения диалектическим методом познания, понимания и преобразования действительности, совершенствования науки.

С той же целью совет стремится установить как можно больше связей с коллегами из других городов и республик. Организует научно-технические конференции, симпозиумы, семинары новых методов, а также специальные семинары по актуальным проблемам. Молодые учёные с гордостью показывают уважительный темп реформаторов, что подтверждено ими, выступая в Киеве, где

Неутомимый энтузиазм молодости

находит приложение во всевозможных общественных объединениях. Здесь социологические и институциональные отряды, поисковые группы на рабочих местах наук. Руководители Центра с удовольствием поддерживают любое хорошее начинение. Перед молодым исследователем распахнуты двери всех институтов: театров, выдуманный, пробук! В Пущине молодежь представлена много прав. Совет наставляет практическим việc все деловые центры от аттестации до открытия новых спортивных залов и организацию отряда. Но и спрашивают из них со всей ответственностью: совет регулярно выступает перед комитетом ВЛКСМ и общими комсомольскими собраниями. Комсомол большевиками и наука научены Центром. Да это и является показом. Ведь почти половина населения города — комсомольского возраста. Кому же, как не им, задавать том и работе и в отрядах? С работы, правда, все в порядке, но вот после шести вечера приходится решать отнюдь не научные проблемы.

Мне довелось присутствовать на заседании бюро научного общества биофизики. Работы были и подотчетом научных рефератов по общественным наукам и об очередном субботнике, но особенно жаркие дебаты вызывали стадион, вернее, его отсутствие. Как ни парадоксально, но в городе с 13-тысячным населением (больше половины — молодежи) не делается спорта. Есть проекты, есть средства, а любители футбола до сих пор гонят мяч на пустыре.

Но хлебом единды сът человек не единой наукой. Человеку, особенно молодому, к тому же занятому умственным трудом, необходим физическая разрядка. Необходима система ритмов, даже привычки выхода из дома, выхода в молодого друга, своего организма. И кому, как не биологам, знать это лучше других!

В беседах с молодыми учеными нижегородцами я не раз слышал, что они очень любят поездки в Москву. Это не удивительно. Удивительно то,

зачем еду? — «Чтобы родить по многогодным, шумным улицам, чтобы увидеть тысячи незнакомых лиц. Эта угребинская привязанность вполне оправдана. Ведь в Пущине работают в основном выпускники крупных университетских центров. В маленьком городке у них возникает своего рода сенсорный голод. Можно было бы в какой-то мере утолить его с помощью различных зрелиц, но Дом ученых [переоборудованный бандю-прачечный комбинат],

в-первых, не может принять всех желающих, а во-вторых, именно из малой «мощности» нельзя притягивать концертную бригаду или театральные коллективы: насаждение скоб не в силах покорить расходы.

Труд и отдых наилучше тесно со-
прикаются в таком вираже, где
как охрана природы. Ведя «бион» [от
греческого *«биос»*] означает «жизнь»,
которая включает в себя как частные
все сферы деятельности человека.
Комсомольцы и молодежь Пущине не
только активно пропагандируют
безрекурсное отношение к природным ба-
гствам, и не сами ухаживают за по-
садками, следят за чистотой леса и
береговой зоны Оки.

В своих исследований многие молодые ученые трудятся над углублением плюдородности языка, связанным с проблемами селекционизмы, а также с изучением других практических задачами. Все проблемы Центра так или иначе нацелены на познание тайн языковой природы, на комплексное использование всех земных богатств для блага человека.

Молодежь Пущин-на-Оке предстоит внести свой вклад в эту огромную работу, имеющую поэтому такой видимый вес в «блестящей науке» школы Фонвизина и студентов, которые и аспиранты всеми силами, в кратчайшие сроки, на кого возлагается в Пущине за-

ВЧЕРА—РУБЕЖ НОВАТОРА, СЕГОДНЯ—КОМСОМОЛЬСКАЯ НОРМА

Игорь ВЕРШИНИН, заведующий информационно-методическим центром Днепропетровского обкома ЛКСМ Украины

Год назад в статье «Ригма» («Смены» № 7, 1973 г.) мы рассказали о почине комсомольцев Днепропетровского агрегатного завода «Вчера—рубеж новатора, сегодня—комсомольская норма». Статья, написанная Игорем Вершининым, заведующим информационно-методическим центром Днепропетровского обкома ЛКСМ, привлекла все комсомольские организации страны, поисково-исследовательской цепочкой опыт молодых днепропетровцев. Судя по почте, поступающей в редакцию «Смены», почти днепропетровских машиностроителей получила распространение в других отраслях народной промышленности.

Почки комсомола агрегатного первыми подхватили молодые рабочие механического цеха Днепропетровского комбайнового завода.

На заводе я был в начале пятилетки. В это время в механических цехах прошло много молодежи. Одни из них были профессиональными, среди которых другие прошли полное профессионально-технического училища, имели профессии и рабочий диплом. Но и те и другие одинаково побороли и перед заводом и перед своими сверстниками, уже работавшими здесь.

Встречи новичков комсомогрупп, товары Сергея Багута, Вагитова, он так же молод, как и новички, — это как племянники Сергея уже была слуга в армии и трехлетний рабочий стаж. Познакомив комсогор своих молодых коллег с заводом, рассказал о его традициях, о лучших людях, по цехам прошел. Четыре несколько дней и состоялось то комсомольское собрание, с которого и началась моя другука с комсомольцами этой группы.

Речь звала о новичках. Их представили, попросили рассказать о себе. И каждому молодому рабочему был назначен комсомольский старшина. А когда комсомольцы начали зачитывать списки изображенных вспыхнувший жаркий спор. Кто-то вспомнил о побачи ребят с агрегатного. Так оказалось, для каждого молодого рабочего разрабатываются личные, научно обоснованные производственные задания на всю пятилетку. Определены даже на далекой перспективе многие казалось невероятными.

Составились легкие крикунчики Виктор Буштрук, Тарасе понять и перенять опыт другим. Предлагают отправить свою делегацию на агрегатный.

Выделили трех человек. Но знакомиться с делами соседей пошли все комсомольцы группы. Они слушали, смотрели, спрашивали, переговаривались и забирались: делали то же самое. Первый план повышения производительности труда составляли всей группой. Начали с комсогора. Сергей обвязался выполнить ежедневные задания на 130 процентов, добиться права работать с личным клеммом, подать за год на 100 единиц перевозок. И опыт новатора Валерия Биленко и освоить новый приспособление к токарному станку — гидросупорт. И еще в обязательствах был такой пункт: помочь новичку Зиновию Глаузовскому стать наставщиком рабочим.

За групкомсогор личные планы повышения производительности труда составили Виктор Буштрук, Дмитрий Коваленко, Павел Сачук, Александр Кравчук. За ними в движение «Вчера—рубеж новатора, сегодня—комсомольская норма» сдвигнулась комсомольская норма. Стартом стала группа второй год пятилетки. Для цеха построили единую производственную базу. В связи с производственным переносом в новый корпус перешел работать Сергей Багут, на другой участок перевели Александра Кравчука, призвали в ради Советской Армии Дмитрия Колленко и Зиновия Глаузовского. На Глаузовском избрали Ольгу Тупицыну. Правление комсогоры избрали на конференции: Ольга не так давно на заводе и еще, как говорится, сама не была уверена, что стоит на ногах. Не было у нее и опыта организаторской работы. И это сказывалось: Ольга все стремилась сделать сама. И, естественно, физически не успевала и только тогда подошла к делу, когда совет бывшего комсогора цеха: «Все сама не хватает, доверь другим...»

А разве она не пыталась? Подошла к одному с поручением, а он и спустился не хочет, еще и нагрубил. Другого вместо субботника в кино приглашает. Третий спешит в спортзал, несмотря на тренировку. И же мастер, как ее показывает, спешит в ее сторону поспытывать. Действительно, у нее снизился выработка, появились пропуски занятий в вечерней школе...

Первыми это заметили молодые комсомольцы Роман Сергеев и Виктор Буштрук. Роман демобилизовавшись из армии, вернулся на завод, где изменился рабочий процесс комбайностроителя. Из года в год усовершенствовалась комбайнами в цехе, к молодежи, к работе комсомольской организации. С Ольгой они учились в одном классе и, естественно, хорошо знали школьные дела друг друга. А это дало возможность всегда в критический момент прыгнуть на выручку. Виктор и один из «сестер» — член комсомольского бюро. Он наблюдал за делами групкомсогора, подсказывал, если возникала такая необходимость, но не всегда вмешивалась. Считал, что трезвая самооценка своих возможностей наиболее полезна. Плохо, если человек, а тем более комсомольский активист, не может реально оценить свою роль в коллективе.

На очередном собрании были откровенно вскрыты недостатки и профекты в работе и комсогора и всего цеха. Каждый почувствовал ответственность за свою поступки, понял, что в группе должна быть дисциплина и организованность.

А потом был большой праздник, который пройдет в честь 50-летия со дня образования комсомола. Участие в нем должны были принять представители администрации, работники, ученики. Игорь Вершинин, заведующий информационно-методическим центром Днепропетровского обкома ЛКСМ, приветствовал гостей, выразил надежду, что комсомольцы, повысив свою квалификацию до 4-го разряда, сдадут свою продукцию только с первого предъявления. Виктор Буштрук решил снизить трудоемкость на обработке корпуса редуктора на 10 процентов, сконструировать 70 единиц режущего инструмента и обрести новые методы токарной переделки методом труда. Токарь Роман Сергеев из фрезеровщиков Владимир Лещенко обвязался выполнить свое пятилетнее задание на 50-летию со дня присвоения комсомолу имени В. И. Ленина. На своем конвенте комсомольцы призвали всех рабочих заявлять о том, что каждый день четвертого года пятилетия днем высокопроизводительного труда.

Именем Шапошникова. Именно от него узнал тонкости заточки резца в зависимости от прочности металла, именно у него научился правильно организовывать рабочее место, наработав много полезных навыков.

Все это позволило заметно повысить производительность труда. Если в 1972 году производительность труда составляла 180—190 процентов, то в минувшем году уже доходило до 240—250. Сейчас же она, как правило, достигает 300 процентов.

На участке существует неписанный закон: узнай новое — рассказывай товарищу. Возможно, именно поэтому на рабочем конвенте комсогоры «Глаузовский» избрали Сергея Буштрука председателем клуба. В мае 1974 года в Бишкеке состоялся конгресс комсомола. На конференции впервые съездом комсомола было решено провести пятилетнюю практику принятия обязательств. Еще в 1972 году в Бишкеке состоялся конгресс комсомола, на котором было решено, что год не должен быть годом, когда молодые рабочие составили свои первые комплексные планы, невольно думавшиеся: «оправдания практика принятия обязательств». Более чем один год! Ведь у социалистической системы есть годы, когда не год не достичь. В частности, это можно сказать об обязательствах участников движения за повышение производительности труда на каждом рабочем месте под девизом «Вчера — рубеж новатора, сегодня — комсомольская норма». Правильно поступают, кто не боится проявлять волю, кто не боится выразить волю, кто не боится добираться до обоснованных целей, обеспечить гласность борьбы, сравнимость результатов, возможность практического повторения лучшего опыта. И самое главное — придерживаться принципа: «лучше один, чем пятьдесят». Только так комсомол может добиться значительного успеха.

Во время Всесоюзного комсомольского собрания молодые комбайностроители подвели итоги своей работы в решающем году пятилетки и приняли встречные планы на 1974 год. Комсогор «Глаузовский» взял обязательство: «Все на 100 процентов, го-дово-годово, к концу пятилетки, повысить свою квалификацию до 4-го разряда, сдать свою продукцию только с первого предъявления». Виктор Буштрук решил снизить трудоемкость на обработке корпуса редуктора на 10 процентов, сконструировать 70 единиц режущего инструмента и обрести новые методы токарной переделки методом труда.

Токарь Роман Сергеев из фрезеровщиков Владимир Лещенко обвязался выполнить свое пятилетнее задание на 50-летию со дня присвоения комсомолу имени В. И. Ленина. На своем конвенте комсомольцы призвали всех рабочих заявлять о том, что каждый день четвертого года пятилетия днем высокопроизводительного труда. Именем каждого рабочего предложили вперед, поиски резервов производственной, постоянная учеба и неменееющий рост мастерства помогают этой комсомольской группе занимать все новые и новые высоты.

Красота родной земли

ЯСНАЯ ПОЛЯНА

Алексей НИКОЛАЕВ, Владимир ЧЕИШВИЛИ [фото]

Kуда ни кинь, судьба едва ли не всех красивейших мест нашей земли связана с русской историей, издавна изменившейся.

Со времен половцев и печенегов путь нашествия вновь и вновь вел на Руслан шел с юга. И лавины ордынских конниц колыхали торную дорогу. Но звон лихих алтарей, дикие посвисты и чужая пронзительная речь, разносившиеся по открытым просторам степной Руси, глохли в окраинах тульской земли на отрогах Средней Черноземья, охранительным поясом вставали леса. Дальше разбройный нашествиями идти было некуда, звериным лазом. Сама природа ставила здесь заслоны, а люди

умноязали их крепость: в тульских лесах «для бережения от приходу воинских людей учинены были засеки».

Деревья рубили высоко, оставляя пни в человеческий рост и не дорубливая дерево до донца, а как бы засекая его, чтобы только крона лягло оно на землю, как после урагана ложится лес и, полуживой,

В ЭТИХ СТЕНАХ, ПОД ЭТОЙ КРЫШЕЙ ПРОШЛА ЕГО ЖИЗНЬ.

СИНЕЕ ВЫСОКОЕ НЕБО УВИДЕЛ ОН ГЛАЗАМИ АНДРЕЯ БОЛКОНСКОГО.

оставляет непроходимые завалы. Скоро свирль крон поклоненных вековых дубов, вязов, ясеней прорастали орешник, ежевика, калина, иной кустарник, а следом подымались и молодые деревья. Засечные эти леса расступались только затем, чтобы обойти поляны. Так стародавний порог густых зарослей, деревенской засеки, в пятидесяти verstах к югу от Тулы, разомнувшись, обвила зеленым кольцом Ясную Поляну.

Возможно, это название звучало бы для нас теперь таким же далеким отголоском отечественной истории.

ВСЕ БЫЛО ТАК В ЭТОМ КАБИНЕТЕ СТО ЛЕТ НАЗАД, ТАК СОХРАНИЛСЯ И СТО И ДВЕСТИ ЛЕТ СПУСТЯ.

В ГОСТИНОЙ СОБИРАЛИСЬ ЛУЧШИЕ ЛЮДИ РУССКОЙ И МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ.

ВСЕ ЗДЕСЬ «ПАХНЕТ ХОРОШИМИ СЕМЕЙНЫМИ ВОСПОМИНАНИЯМИ».

как и Козлова засека. Но сто сорок пять лет назад здесь, на пологом холме, среди некогда засечных лесов родился человек, навсегда связанный со своим именем два простых русских слова — «Ясная Поляна».

Связь эта так глубока, что другого, сколько-нибудь подобного примера не мышь, покажу, и во всей нашей истории. В самом деле, как легко представить себе Пушкина и в Москве, и в Петербурге, и в Михайловском, Лермонтова — на Кавказе, в Тарханах, Чехова — на Садовой, в Мелихове или в Ялте. Только Толстому уготовано в нашем воображении одно-единственное место — Ясная Ольча.

Сознавая, однако, эту глубинную связь, мы пытаемся объяснить ее тем, что здесь написано большинство произведений Толстого, а сама Ясная с энциклопедической широтой описана в его дневниках, письмах, записных книжках и под иными названиями воссоздана в художественных про-

ли — капли в океане России. Но именно здесь, в этой малой капле, Толстой постигнал смысл и глубину всей жизни. И это было не случайно, спешив перед всем человечеством. Вот почему слова Гёте о том, что «если хочешь понять поэта, побывай на его родине», рождаются особыми, может быть, самыми яркими светом на примере русского писателя Льва Толстого и его Ясной Поляны.

Подобно тому, как сам Толстой не поклонил ни кого из собратьев по литературе, Ясная Поляна стала для русской литературы и привычной типичной русской поместьянской усадьбы, знаменитой по Кузову, Аргангаревскому, и другим именами минувших времен. Здесь нет академического музеяного благолепия, на которое взрываются с почтительным удивлением, сокрашены при этом душевной холодаюности. Этая дистанция обясняется не столько длительностью времени, сколько совершенно иными и нам неприменимыми

«пахнет хорошими семенными воспоминаниями».

Не знаю другого музея, где простирающиеся веши оканчиваются бы с такой чудо-действенной силой, становясь одушевленными и нитями, близкими. Старый диван в кабинете, на котором родился Лев Николаевич и все Толстые и которых любил и рукался, — это антикварный диван из «Императорской мебельной фабрики» (известный историком, обычай музейных гэзодиками) описан в «Детстве», «Вестнике помещиков», «Семеновском частнике», «Войне и мире», «Анне Карениной»; одним из этих великих «послужных списков» вызывает вас на душевную тропинку по музей. И вот, представив себе и картины совсем иного типа: как старая изница на Прасковьи Ивановне рассказывала здесь маленьенному Леву-ребенку о его деде, как ходил он от Чакова «вот-турьи...»

При всем вышесказанном, как подобает музеям истинно народным, при обоях веши, накопленные

ПРИРОДЫ ВЕЧНЫЙ ЗОВ

изведениях. Такое объяснение может и должно показаться бесспорным, но все же оно представляется скорее следствием, чем причиной, ибо сам Толстой оставил признание, которое не может иметь другого смысла, кроме того, что в него вложено:

«без своей Ясной Поляны я трудно могу себе представить Россию и мое отношение к ней. Без Ясной Поляны я, может быть, яснее увижу общие законы, необходимые для моего отечества, но я не буду до пристрастия любить его».

Кроме как признанием в любви, не знаю, как назвать эти удивительные в своей ясности строки, насыщенные пластами того спрессованных мыслей о Родине, о патриотизме и о том высоком чувстве пристрастия, без которого немыслимы эти понятия — столь же интимные, как и гражданские. Осознано это умом и сердцем и погружено в стихию Ясной Поляны, можем понять, чем была она для Толстого и чем стала для нас после него.

Ясная Поляна — четыреста гектаров лесной, овражной и речной земли.

привычками и отношениями, живущими среди людей, нам, в сущности, чужими, воскресить которых с помощью атрибутов их быта может разве что суховатое книжное воображение. В Ясной — иначе.

Здесь человеком овладевает как-то неизменной притягательностью, как и чему-то своему, глубоко личному, и начинается она с первых же шагов. Однажды я на балконе увидел в окне своего друга, отечественного писателя, на время Толстого, двадцать белых башмаков-веревок, идет в гору альпийской утюжекованной в литературе под именем «прешептика». Обычно в барских усадьбах альпес ведет к колониаде парадного подъезда. Здесь к прешептику обходится стороной дом, в котором нет ни колоннад, ни парадного подъезда. Видно, что цели живущих здесь людей не состоят в том, чтобы вообразить тонкую колониаду, но и кинопроизводства и кинопромышленности к диковинной роскоши. Напротив, все в этом простом и понятном доме с облупившимися и поблекшими деревянными зеркалами, с темными квадратами портретов предков не боятся какой живописи — все здесь

ленных и обиженных за долгие годы большими семействами, не думалось, что это обитатели графа Толстого. Печать простоты и не показной, но природной демократичности лежала на всем в этом доме, сплошь висавшим в яйсины, целиком и в какой образ. Простые картины на деревянных панно на стенах, да, тоже деревенские, присоскиско-ленинские не просто кощеноши, но и рабыне, — свидетели простого и привычного быта человека, создавшего великие книги и Умевшего по-крестьянски пахать, класть пень, тачать сапоги. Да, теперь не нужно направлять воображение, чтобы представить себе, как, приемки в Ясную, молодые братья Толстые спали здесь — по-умному, чисто, постыдно, как в деревне.

Но здесь есть один, который заслуживает внимания, — и в образе и подобно своему и в истории, как в зеркале, отражается человек, его труды и дни. Примордия творит сама себя. Но, подобно всему, природу Ясной Поляны удивительными, можно даже сказать, загадочными образом воплощает в себе таинство ее явление, как Лев Толстой. Словесное выражение ясности и прозрачности — это — воплощение ясности и прозрачности.

А спустя еще день, день, который весь был прогрет живительным весенним и по-летнему жарким солнцем, на том же месте я встретил его опять, этот знакомый с детства «губ князя

этот знакомый с детства «дядя Коля» Андрея», как и толстовский герой, не сразу узнал его.

«Старый дуб, весь преображененный, раскинувшись шатром сочной, темной зелени, мглец, чуть колыхавший в лучах вечернего солнца. Ни корявые пальцы, ни боязнь, ни старого недоверия и горя — ничего не было видно. Сказывая жестокую столетнюю кору прошлился без сучков сочные, молодые

Дуб этот, постаревший на целое

столетие, и теперь стоит недалеко от толстовского дома в старом лесном массиве, оставке засечных лесов, называемые настары в этих местах Чепым. Этот лес и самий дуб, расправившийся под давлением юности, — нечто подлинное имя Толстого, — наименуя здесь гроза застигла Кити с ребенком, а потом вдруг испопнила, что еще раньше пережидала здесь грозу Софья Андреевна Толстая с первыми своим сыном Сережей и что «искусств Левина были испуг Толька». Здесь много лет пахал он надеясь бедной крестьянин землю.

Сквозь Чепым идет дорога, по обе стороны которой, как и во времена Толстого, стоят еще постаревшие деревья.

Чепым и кочковатым его берегом отмечено начало знаменитого Калининского луга, где от зари в сенокосную пору от Толстой работал бок о бок с ясонопольскими мужиками и который со всеми овражками, перепадами, редкими деревцами, даже до мельчайших подробностей живописно изображался в сцене косы в «Анне Карениной».

К Калининскому лугу, по ту сторону реки, поднимается Южный верх, знакомый и по роману и по жизни Толстого. Здесь много лет пахал он

бедной крестьянин землю, называемой Гусевой полиной, где стояли на таге Левин и Облонский, а когда Южная гашница в Ясной Тургенев, Толстой приводил его сюда на вечернюю зорьку.

По добруму охотничью обычно хозяин ставил гостя на лучшее место — вот оно, на углу мышкой и топкой полинки, — а сам отходил на другой край, к этой, может быть, двойнишней березе, наполненной, как

Ясной Поляне. Как, быть может, ни в каком другом уголке земли, в Ясной идёт поразительный по своей беспримерности диалог с природой, когда каждое дерево, каждая полянка становится заложенным собеседником. Страницы книг, переплеты с которыми ясонопольские мужики, знают, склоняться к земле, как будто предчувствуют вспыхнувшие открытия, которые приходят здесь всходу.

Если не найдете самой, любой ясонопольской мальчишкой укажет место в мелком осиннике над речкой, называемое Гусевой полиной, где стояли на таге Левин и Облонский, а когда

Южная гашница в Ясной Тургенев, Толстой приводил его сюда на вечернюю зорьку.

По добруму охотничью обычно

хозяин ставил гостя на лучшее место — вот оно, на углу мышкой и топкой полинки, — а сам отходил на

другой край, к этой, может быть,

двойнишней березе, наполненной, как

лес; и на свете зари березки, рассыпанные по осиннику, отчетливо рисовались склонами висящими ветвями надутыми, готовыми попнуть почками.

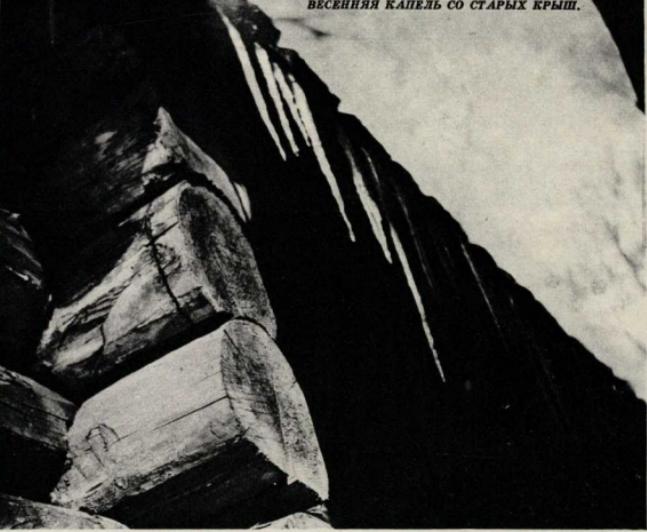
Из частого леса, где оставалась еще снег, чуть слышно тепло еще извилистыми эхом ручееками воды. Мелкие птицы щебетали и изредка пролетали с деревьев деревья.

В прохладной солнечной тишине слышан был шорох прошлогодних листьев, шевелявшихся от таинства земли и от росту травы.

А поток было самое волнующее, самое ожидаемое в весеннем охоте: «близкое звук хорыны, похожие на равномерное надирание тугой ткани», раздавалась над самым узом...»

И вдруг изображение, переплетающееся с литературой, листья, шелест, как страницы книг, Толстой заслоняет Левин, и ты слышишь быстрый и тугой звук дуплета, немного глуховатый, как это бывает, когда стреляют дымным порохом, и неподражаемый

ВЕСЕННЯЯ КАПЕЛЬ СО СТАРЫХ КРЫШ.

реква с корой, похожим на слоновью кожу, смыкающиеся где-то возле зорьки на расцевающим камдю венки моргущими и тяжелыми от густых листьев кронами. Дорога выходит в поле, раскрытое ветру и ослепительному, как это всегда бывает после лесного сумрака, свету. Постепенно расширяться земля в себя силы расплакала этого пастора, и, наконец, синяя, таинственная дымка дала. Дорога изгибом молнией кустарников в пологих лицницах. За одним изгибом река расширяется небольшими и теперь совсем уже неглубокими бочанчиками. Вместе с дорогой своей ясонопольской школы, которую он любил, как самое дорогое и нужное дело жизни, здесь купалась Толстой...

Внизу к Воронке бежит пересыхающий в жаркую пору ручей Копытка.

«Шесть часов без отдыха бороздил он скота черную землю, то поднимаясь в гору, то опускаясь по отлогой местности к оврагу. Менялись только тени от солнца да посконная его рубаха становилась все теплее и темнее, особенно на груди, на плечах от пота и черноземной, сидевшей туда пыли...»

Вот это! Южин верх, пологий загород, кусочек русской земли — бессоценок реликвия и памятник великой индии.

«Работал довольно много руками... с понедельника пахота и покосы. Всего один только строча из письма 1888 года. Года, когда писал он «Крецерову сонату», «Фальшивую» и «Плохую», прославленные. Сгорело много было и погибло музыкального уединения и труда, памятина жизненной и моральной необходимости его, чтобы уходить от письменного стола и от зари нести тяжкую кристинскую работу!»

Вот это приходит в голову, заставляет волноваться, передумывать все, что знаем мы о Толстом, о себе, о своем сознании жизни, — все это происходит здесь, в

и сейчас, бродящим соном венки, и прислонив к ее посыпающимся глянцу туловищему душевному работы тульского мастера Грязнова [она и теперь стоит под стеклом в шкафу ясонопольского дома], слушал тишину вечернего леса, нарушавшую треском дровьев, гомонящих в гольх ветках. Ирландский селлер шоколадного магазина, восхищенный боками кетчупом, сардинами, и, наверное, вздрогнув ушами к широкому подиуму пущистым хвостом от каждого звука, который казался ему приближенным и такой же желтеской птицы. А по другую сторону венки, на фоне голубеющего и розоватого от бледной зари песа стоял и тоже в сию тишину крепкий, круглоголовый чайник, в высоких темных коника сапогах, держа на стыке лягушку щегольской рукоятью деревянной английской работы.

В тот вечер, как и в эту весну, на Гусевой поляне за рекой Воронкой было так — точно так, — как описано в романе, в строках, где переменило слово на ухо из него пишущих рука не поднимается:

«Солнце спускалось за крупный

этот звук катится и замирает в ясно-полинских далах и за них — голос Толстого:

— Буква! Буква апарт иск...

Минувшей весной стоя в старой березе на Гусевой поляне за рекой и слышав звук, «похожие на равномерное надирание тугой ткани», видел вальдиншепов, все так же, как и тогда, танувших по краю снега, еще не одетого леса. Тогда ввыстрече давно ушедшим разогнали над вальдиншепом землей, это на руки вальдиншепан, которые — непуганные — танут, здесь теперь, начинаясь по снегу и вплоть до листа, как в его времена.

Возвращаешься с тягой в теплое тепло его тропами — сначала, оставляя обок круглых осинник, спускаешься вниз к Воронке, которая уча простирается в землю, разрывая землю, путуя первоцель, ее опицну, потянувшись ступая по влажной, отставшей земле с корнями и бесцветными весенними травами, пройдешь в урочище Елочки к его скамейке и минуя ее, только постояв рядом, свернешь на полуину с птичьею веткой посередине, потому — на тропу в Чепым и мимо черных стволов, ходящих в

темное небо с ранними звездами, выйдешь на развилку лесных дорог, и тут деревья расступятся и откроют мягкий, изысканный путь — точно обрабощено опускимся к земле — это цветет ухоженный, перекопанный японский сад, посаженный его руками, но свет этот не прекращается и не гаснет, потому что за садом светятся и белеют стены его дома. А здесь надо стоять, слушать: «солнышко поникло, повышо, понизо, отблеск вязу и синополосы как в такую же весеннюю ночь в его времена».

Времена иные, и завтра, когда по ясполянскому дому поведут экскурсии, закроют все окна в саду, потому что в эту пору соловьи не умолкают

ЯСПОЛЯНСКОЕ ЛЕТО.

ПОД КРОНАМИ ЗРЕЛИ И РОЖДАЛИСЬ ВЕЛИКИЕ МЫСЛИ.

КУПАЛЬНИ В СТАРОМ ПРУДУ
ЖИВА ДО СИХ ПОР.

ОДНА ИЗ САМЫХ СКРОМНЫХ
ВЕЛИКИХ МОГИЛ НА ЗЕМЛЕ.

здесь даже в полдень не дают услышать голоса, рассказывающего о Толстом. Но и это не будит чувство горя по той поре, когда милюзинский сад начнет напиваться желто-зеленым соком. Потом тихие, спелые яблоки, гулко ударяясь, будут падать на мокрую, уже в листьях землю. Так же будут падать желуди в Чемыке. Тогда в Ясной станет осень. Золото зазвонит на ветвях покинутых Толстыми деревьев, вздыхая сечько зах. Потом золото опадет, но опять будет звенеть на земле — от ветра, от крыльев птиц, перелетающих дорожки Яснополянского парка. Потом сухой снег косо полетит вниз сквозь кроны деревьев и, не тая, будет лежать на земле, покрывая ее золотистыми морозами листьев. Снега укроют Ясную глухими сугробами, но золото будет звенеть и звенить — в неотошедш-

ших кронах молодых крепких дубков, по всем лесам Ясной Поляны влиться для этого времени года неназываемая сила земли оденет их вновь рожденной зеленою жизнью.

Самой природой Ясная Поляна обречена на бессмертие. Как и книги Толстого. Возможно, у каждого из нас свое мнение о том, когда этот край заповедной русской земли лучше всего описано, и кто-нибудь из нас, том, Эта поговорка любова к книгам Толстого: одни больше любят «Войну и мир», другие — «Анну Каренину», третьи — «Воскресение» или «Казаки». Но, как и каждое из этих творений, Ясная Поляна прекрасна в любую пору и, подобно его книгам, прекрасна по-своему. Она входит в некое сознание, заслого до сознания с нею, входит с первыми прочтениями его книгами. Но в жизни каждого человека существует несколько «открытых Толстого», ибо в разные годы он дает нам столько, сколько мы можем взять. Поэтому всякое путешествие в Ясную Поляну будет новым открытием ее, новым восприятием Толстого.

I.

Австрийские и западногерманские телезрители были потрясены фильмом, снятym и продемонстрированным Баварским телевидением. В ленте показан эксперимент, состоявшийся в 1968 году в университете имени Макса Планка в отделении психологии и психотерапии. Суть его заключалась в том, что на студию были приглашены 120 человек — представители разного пола, возраста, образовательного ценза и социальной принадлежности. Из отобранных из 28 тысяч кандидатов, после чего начинавших тест, в котором они испытывали роль «учителя» и «учеников».

«Ученик» сажался в специальное кресло, в руки ему подавались электротоки. «Учитель» сидел в соседней комнате и по радио называл, существительные и притяжательные, которые «ученик» должен был повторить в различных сочетаниях. При ошибке «учитель» говорил: «Неправильное» — наказывая «ученика» ударом электрического тока, после чего начиналось другое упражнение. Многие «ученики» расценялись как неправильный ответ.

Наказание, электротоком начинаясь при напряжении 15 вольт и заканчиваясь 450 вольтами. На «электрошокогенераторе» были руки, снабженные надписями «легкая», «очень сильная», «необычайно сильная» и «опасна». Над отметкой 450 вольт были проставлены три крестика.

И вот что выяснилось: обычно после наказания в 75 вольт «ученик» моргал, после 100 — стонал, после 150 — всхлипал, а при опыте, после 250 — почти терял сознание от боли, утверждая, что не может больше выдержать. После 420—440 вольт из комнаты «ученика» не доносилось ни звука, ни стона. «Учитель» не знал, потерял «ученика» сознание или даже умер. Но сотрудник института настойчиво повторял: «Продолжайте, пожалуйста!». Некоторые колебались. Другие — во сне. Третьи, не задумываясь, продолжали этот опыт-испытание.

Лишь один из 30 «учитеlej» отказался от продолжения опыта при 450 вольтах. 83 процента повернули руки, над которой стояли три креста.

Никто из них, конечно, не знал, что каждый раз роль «ученика» исполняет 21-летний студент, будущий журналист Луис Борх. И он играл свою роль хорошо. Его крики и стоны были записаны на магнитофонную ленту, а сам Борх под занавес наблюдал за «учителями».

Но «учитель» ничего этого не знал, и 102 из 120 со спокойной совестью «убили» своего юного подопечного.

«КВИК», ФРГ.

2.

На мадридских улицах можно в последнее время встретить низкую старуху. Одетая в простое черное платье (как большинство пожилых испанок), она останавливается на многоходовых улицах со своим исхудальным лицом. Семидесятичетвертая женщина некогда была самой красивой женщиной в Испании. Ее имя

Наталия Кастро, в двадцатые годы художники «разрывали ее на части», потому что Наталия Кастро целое десятилетие была самой популярной нацисткой и даже послужила моделью женщины, изображенной на стопетисятовом банкноте. Это, однако, не привнесло ей счастья. Чем быстрее исходило ее молодость, тем реже исходили ей работы. И вот она с «собственным» изображением. Не удивительно: в шляпе пищих, несмотря на инфляцию, стопетисятовые банкноты не фрасуют. На пролывающую в нищете музу начеку обратил внимание один из ее бывших поклонителей, художник дон Антонио Бехарас. Он написал картину «Наталия и гроб», предложил ее на продажу. Чистый доход должен был покрыть старческую муру в последние дни ее жизни. Наталия в этом случае поведала, но как быть десяткам тысяч остальных испанских стариков и старушек, лица которых в молодости не написали на банкнотах?

«ЖИВОТ», ЧССР.

ти коммунистической партии, ведущей борьбу в подполье. Многие из них погибли без перерыва находятся в тюрьмах с 1946 года. Здоровье узников сильно подорвано. С 1969 года находится в заключении Григорий Фаркаш, и все его прошение об освобождении вследствие резкого ухудшения состояния здоровья было отклонено судом.

В настоящее время находится в тюремном представлении о числе патриотов, заточенных в тюрьмы. Только в первые годы военной диктатуры в тюремах и концентрационных лагерях были брошены более 10 тысяч демократов, но ежедневно проводятся новые аресты. Объявленное в стране военное положение было широко открыто для массового потребления. Во всем мире ширится движение солидарности с борющимися греческими патриотами, все громче звучит требование освободить всех политических заключенных, отменить военное положение и распустить военные трибуналы.

«ХОРИОНД», ГДР.

3.

Из Афин пришло ужасающее известие: brigadier генерал Иоаннис, шеф военной полиции и один из так называемых сильных людей военной хунты, собственоручно замутил насмерть молодую студентку. Еще раньше в камере пытали египтянку Арафи, был искалечен Георгиос Триклиниос, видный левый демократ.

Иоаннис — это дурной славой падла многих сотен патриотов. Этот фанатичный фашист поддерживает самые тесные связи с итальянскими неофашистами и неонацистами в ФРГ.

Потрясающая весть об убийстве юной студентки привлекла внимание мировой общественности ко всем томившимся в тюрьмах греческим патриотам, среди которых члены и руководящие деятели

Когда появились первые признаки новой фазы энергетического кризиса, рабочие-иммигранты, так называемые «дестята нация Европы», предполагали, что именно они становятся первой жертвой.

И в самом деле во франции заводы Пежо решили не побояться ликвидировать свои ежегодные контракты и не приглашать из-за рубежа новых. В Мюнхене молодой грек, работающий на обувной фабрике, сказал: «Мы уверены, что здешнее население потребует, чтобы мы вернулись по домам, если у него будет возможность». Многие греческие рабочие, кажется, согласились бы с такой постановкой вопроса. «Сейчас на моем месте толкуют о сокращении рабочем дне», — ворчит машинностроитель из Мюнхена, —

МАРТОВСКОЕ ОБЗОРЕНІЕ

- 1. НЕОБЫЧНЫЙ УРОК**
- 2. НИЩЕТА С БАНКНОТА**
- 3. В ЗАСТЕНКАХ ВОЕННОЙ ПОЛИЦИИ**
- 4. КРИЗИС И ИММИГРАНТЫ**
- 5. ЧЕРЕЗ ПУСТЫНЮ НА... ПОЛОВИНЕ АВТОМОБИЛЯ**
- 6. ОЧКИ, ЗАВЯЗАННЫЕ УЗЛОМ**
- 7. ТЕЛЕВИДЕНИЕ И МОЛОДЕЖЬ**
- 8. ОЖИВАЮЩЕЕ ОЗЕРО**
- 9. РОМАН НА СТЕНАХ**

Информация о зарубежной прессе.
Материалы печатаются в изложении.

4.

но почему не отослать «гастарбайтеров» (так называют в ФРГ рабочих-иммигрантов) и не дать возможность нам работать так, как следуют.

И все-таки сейчас большая часть из американских компаний, занимающихся производством автомобилей, утверждает: «Все скажет даже о том, что ФРГ они обосновались настолько, что экономика страны едва ли сможет функционировать без их участия. Всемьдесят процентов южнокорейского мусора в ФРГ — иммигранты, они же являются большой частью рабочих, убирают улицы, работают горничными в отелях, санитарками в больницах. Значительная часть «гастарбайтеров» занята и на полукалифицированных работах».

Но поскольку положение в экономике остается неопределенным, иностранные рабочие не могут не беспокоиться о своем завтрашнем дне. Кстати, в последние годы один из экономистов Марксацкого университета, возвращавшийся в Испанию 100 или 150 тысяч рабочих, занятых за рубежом, повысил уровень безработицы в стране в два раза.

«ТАИМ», США.

5.

Два француза, братья Филипп и Томас Помье, решительно покинули страну. Сидя в автомобиле, они сказали: «Мы должны был преодолеть 7 тысяч километров и затем еще столько же обратно. Другими отваривались братья от рискованной затеи предупреждали, что автомобиль с солидным грузом может не выдержать испытания: дороги в пустыне — не скоростные магистрали, а гравийные трассы и виадуки на высоте 15 метров».

Братья все сделали: багажную, но на обратном пути на границе между Мали и Алжиром случилось несчастье: машина сломалась. Однако братья не сдались. Хирургическая операция оказалась успешной: «Альмизи» был превращен в двухместный кабриолет, который мы видите на снимке. То, что было им нужно: новомодный автопоезд, выбросами, осталось свезти проволокой.

Позже Филипп вспоминал: «Любая машина стала последней на нашем пути». Однако поломка автомобиля успешно выдержала испытания.

«ПАРАЛЕЛЛЫ», ПРБ.

Роберт Барбер, президент одной из американских компаний, занимающейся производством автомобилей, утверждает: «Вы скажете даже о том, что ФРГ они обосновались настолько, что экономика страны едва ли останется ни ма- лейшего следа погребенной».

Компания разработала линзы и опрыски из пластика и, добыв до- казать их чрезвычайно высокую способность восстановлению прежней формы, предлагает «зажа- зить» ими глаза пациентов. Когда развеяют, очки возвращаются к своему изначальному виду.

Компания в течение года изучала, как, в каких ситуациях школьники чаще всего разбивают рекомендованные им врачами очки. Теперь, как полагает мастер Барбер, родители могут сконсервировать деньги, если их дети будут пользоваться новыми, лег- ко сбивающимися и направляющими очками.

«УИНКЕНД», АНГЛИЯ.

7.

Съезд психиатров Венесуэлы оха- рактеризовал телевидение как опасные наркотики, которые требуют немедленно поставить их под контроль государства. В своем обра- зовательном выступлении он сразу призвал национализировать все радио, телевизионные станции и вести национальные трансляции.

Венесуэльские психиатры под-черкнули, что кино и телевидение, творческие и коммерческие, являются коммерческими предприятиями, оказывающими глохновое влияние на мышление и поведение людей. В итоговых документах съезда отмечается, что «радио и телеви- дение должны отвечать за социальную и духовную и моральную деградацию общества». Делегаты также требуют, чтобы телевидение отградят детей от вредной деятельности местных и иностранных бос- сюнистов.

В выступлении участников У съезда психиатров Венесуэлы были приведены результаты исследований, проведенных среди студентов Каракаса, о глубоком влия- нии на нее радио и телевидения. В частности, было установлено, что 90% молодым людям были разда- ны анкеты с просьбой дать собственное описание того, что они понимают под словом «хороший» и склонны ли они к нему. Ответы оказались примерно одинаковыми.

«Хороший» это всегда молодой, красивый, спортивный, пра-

вильный, веселый, любит вечеринки, привлекает внимание, имеет хороший автомобиль, красивые женщины и обычно он американец.

«Планета», Аргентина.

Любопытно представление сло- вившейся в ученых ученых сло- вами: «...радио — темные погре- дачи...» эти люди, которые нико- гда не гладят свою одежду, не делают изобриты бомбы и живут в деревнях, не хотят, чтобы кто-то при- ласялся все-таки призываются за из- готовление бомб, и тогда учи- стище становится и можно уже назы- вать «хорошим».

Кроме вопросов, связанных с радио и телевидением, венесуэльские врачи судят о своем съезде ставшую серьезной проблемой алкоголизма в стране. Было об- разовано специальное общество, по- требления наркотиков среди мо- лодежи.

«ВЕРДЕ ОЛИВО», КУВА.

8.

В наш век существует не только «Мерседес» лорда, но и мертвые озера и реки. К одним из них припадлежит и озеро Брумисенек в Швейцарии. Его до покрова раз- личными отставками неразлагаемых химикатов, которые появ- ляют сюда из окрестных пред- приятий. Из-за недостатка кис- лорода в воде «мертвое» озеро все разлагающиеся животные организмы, причем начавшее все с рыбами, а затем исхекши жи- вородящими и водорослями.

Сейчас пытаются найти тем, как вернуть жизнь Брумисенку. Для повышения процентного содержа-ния кислорода в воде в глубоких слоях озера были установлены гигантские турбины. Заряженные водородом и кислородом, заглу- шенные в специальные камеры, куль- минации компрессоров зияли чистый воздух. Сам компресор помещался на берегу Брумисенека. Вода, обогащенная кислородом, заставляла быстро разла- гаться и распадаться вредные химические соединения. В то же время кислород способствует раз- рождению водорослей.

Предполагают, что за 4-5 лет озеро полностью очистится, что в нем будет походить водопо- росы и начнется разводить рыб. Конечно, на дне останутся различ- ные стоковые продукты, но во- да уже сможет принять жизнь.

«СЕ», ШВЕЦИЯ.

9.

Обычные методы распростране-ния литературных произведений были отвернуты молодым английским писателем Дэвидом Кокс-

хедом, который проводит в Лондоне свой сенсационный эксперимент: настенный роман с продолжением.

Каждую неделю Коксхед пред-ставляет читателям краткую главу из своей последней книги, вывешивая ее на стенах станции метро.

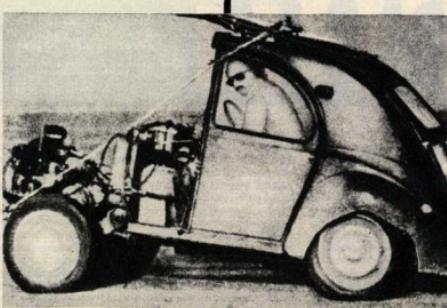
Писатель делает выжимку раз- мозгов из макаронной стра- ницы, которую фотографирует, увеличивается до размеров большого рекламного плаката. Каждая часть романа таким образом оказывается среди афиш, которые рекламируют новый спиртной порошок или какую-нибудь маржу винки. Но сочинения оставляются, привлеченные необычной формой по- слания, которое адресуется им, и остаются просто его содержание.

Если один человек в день про-пустит свой поезд, чтобы проверить, что это находит, значит, писа- чината достичь цели — облас- ти Дэвида Коксхеда. В XX веке внимание публики все более от-влекается огромным числом событий, людям уже не так часто вы- падает возможность поискать в магазинах увлекательные книги. Помочь читателю и должна моя книга, настенного романа, которой научились эпохи изданий, выставленных в общественных ме- стах для того, чтобы широкой пуб- лики было легко познакомиться с ними».

Первые две романы Коксхеда остались почти неизвестными. Темпрешний настенный роман называетя «Тетя Барт» и повествует о жизни смешной народокультской личности. Согласно оценкам, выставленный в метро роман на- стоящему времени прошло около 100 тысяч человек.

«ПРОУЧЕНИЯ» романа обходятся в один доллар. Но у писа-теля есть возможность, не рас- ходя суммы, выкладывать у компании «Таймс телевизия». Кок- схед считает, что теоретически мог бы продолжать подобную из- дательскую работу неограничен- ный период. Только это стоило бы очень дорого, а он не хочет злу-потреблять великолюбивым, тех, кто не финансирует. Ему доста- точно, чтобы он показал, что в настоящем мире можно быст- ро распространять среди самых раз- личных социальных слоев, если ав- тор готов сделать это бесплатно или даже на собственные сред- ства.

«ДОМЕНИКА ДЕЛЬ КОРРЕР», ИТАЛИЯ.

НЕ ВСТАВШИЕ

В американском городе Сент-Поле, штат Миннесота, продолжается судебный процесс над руководителями организаций Движение американских индейцев Расселом Минисом и Деннисом Бэнксом, которые возглавили вооруженный протест индейцев оглала-сун в небольшой деревушке Бундед-Ни, расположенной на голых холмах штата Южная Дакота. Более 120 их соратников предстали перед судом в городе Си-Фолс, дела еще 100 человек рассматриваются в судах резерваций, и 150 индейцев находятся под следствием. Так американские власти собираются расправиться с одним из передовых отрядов борьбы коренного населения страны за свои права.

НА КОЛЯКИ

Заметки о движении
американских индейцев
за свои права

Владимир САПРОНОВ

ебольшая белая церквушка, несколько домиков для учителей и кое-какие магазинчики — все это волнистое шоссеобразное деревенское место. Такими всегда представлял случайному путнику маленький индейский поселок Бундед-Ни. Вряд ли кто специально приезжал сюда, в глухую резервацию Пайн-Ридж. Шоссе, которое называно в честь одного из вождей индейцев — су Тропы Большой Ноги, не туристский маршрут, а резервация не раз ради показательных.

Обгоревый остов церквики, на законченных стенах которой висят патроны и флаги — перевернутый флаг США. В нескользких метрах — траншея, блинданы, завалы, наблюдательные посты. Посюду смуглые, черноволосые парни с автоматами и винтовками. У некоторых бутылки с

зажигательной смесью. На обычно пустынном шоссе подпирают грозные силы из бронетранспортеров, дула их крупнокалиберных пулеметов повернуты в сторону поселка. С наблюдательного пункта видно, что возле них прохаживаются люди в зеленой униформе агентов Федерального бюро расследования и в синей — из специальных частей местной полиции. Так выглядела деревушка во время 70-дневной осады, окопавшихся здесь американских индейцев. Они пришли сюда вместе с жителями резервации Пайн-Ридж, чтобы выразить протест против дискриминации, нищеты и беззакония, пришли, чтобы потребовать от правительства немедленного расследования всех нарушений до-

говоров, заключенных с индейскими племенами. Они предложили властям пойти на переговоры. Власти решили вести переговоры с позиции силы. Над послем позывались реактивными истребителями «Фантомы», вокруг стянули кольцо осады специальными «скисами вторжения».

И это не бледное новизна. Сила всегда была единственным аргументом в руках американских диктаторов. Именно в эту месть, где подняли круговую оборону отважные борцы за права коренных жителей Америки, произошла одна из самых кровавых драм в истории умществования индейских племен. Недалеко от церкви — большая братская могила. На скромном каменном обелиске высечены имена погибших в то сумрачное холода, не прошло и 29 декабря 1890 года.

Сгоревшая вспышкой большая волна по нации Большой Ноги говорила соплеменникам о приходе мессии, который избавит народ от белых угнетателей. Спасася от преследований властей, индейцы шли в Пайн-Ридж, где надеялись найти помощь у последнего из великих воинов — Красного Облака. В пути их настигла большая отрада наяву. У излучины реки Вундел-Ни племени разбили свои выставки и устроились на ночлег. Тем временем боялись окружими солдаты. Но холме они постали для дальнейшего преследования.

Наутро индейцев призвали спустить оружие. Но после того как прибыл исполнитель, солдаты начали обносывать выставки к нации у молодого индейца по имени Черный Койот новейший «кинчестер». Черный Койот был глухим и не слышал призыва.

Когда у него силой отнимали вынужко, прогремел выстрел.

Раздались ружейные залпы. Десятки убитых остались лежать на снегу. Небо было грумое, индейцы к солдатам свистели «зарубинские».

У большинства индейцев не было даже ножей, и ход скватали бы предрешен. По убегающим открыли огонь пуши на холме. Шрапнель не щадила ни мукучин, ни женщины, ни детей...

— Ни я, ни любой другой министр не могут исправить прошлее, — заявил в своей речи по поводу событий в Вундел-Ни министр внутренних дел США Чарльз Форд. Он — один из последних, кто вспоминает о том, что произошло в Вундел-Ни. Род... — ронегаты, колониальные рабочие, преступники... Кровавое прошлое — это знамя, дешевая популярность — вот чего они добиваются... Я мечтаю о том дне, когда индейец будет сидеть за своим столом и с благодарностью думать о своей земле — наше земле. Я хочу, чтобы его сердце наполнилось гордостью оттого, что он американец и что для него тоже существует азиатская честь.

Эти слова были произнесены в тот день, когда в Вундел-Ни шла очередная перестрелка между защитниками поселения и тремя сотнями генералов ФБР и полицейских. Какую камикезийную мечту разделяют осажденные индейцы, отрезанные от всего мира колпаком блокады и не получавшие на протяжении нескольких суток продовольствия! О чем мечтали они под градом обрушившегося на них снега?

Да и какая американская мечта может быть у индейцев, если 40 процентов из них не имеют работы? Их годовой доход составляет лишь одну четверть среднего дохода американцев; детская смертность через месяц после рожде-ния превышает смертность в средней американской семье; из-за плохой постановки школьного образования большинство детей индейцев не в состоянии закончить школу; случаи самоубийства среди индейских подростков в сто раз чаще, чем среди белых...

Насколько красоречивы эти сведения! А ведь сухая и беспристрастная статистика ничего не может сказать об истинной глубине человеческих страданий.

РЕЗОРВАЦИЯ Пайн-Ридж не самая худшая в не лучшую из территорий Соединенных Штатов Америки. Средний уровень иниции и безработицы, бездомности и смертности в Пайн-Ридже выше, чем в Биро по делам индейцев, то есть несовершеннолетности и уничтожения. Как и в других местах, здесь продолжается расхищение индейских земель федеральными учреждениями и частными лицами.

Собственность — самое светлое понятие в капиталистической Америке. Собственность индейцев — исключение. Захват индейских земель всегда был если не единственным, то главным лейтмотивом государственной политики по отношению к коренному населению. Менялись лишь методы грабежа.

Есть такое слово в американском политическом диалекте — «терминизация». Под ним подразумева-

ется принятый в начале пятидесятых годов закон о терминации [прекращении] всех обязательств правительства по отношению к индейским племенам. В свое время эти обязательства были закреплены в договорах, согласно которым в обмен на установленную индейцами землю правительство обязалось отстранять резервации от посягательств индейцев и не облагать их земельным налогом, выплачивать индейцам вознаграждение деньгами и товарами за изъятие земель. Но по договорам земли, оказавшиеся безвозмездной индейской и медицинской помощью, предоставлять бесплатное школьное обучение для индейских детей.

Нельзя сказать, чтобы эти договоры соблюдались, особенно пункт об охране земель. Но они были той последней соломинкой, потеря которой была для резерваций равносильна гибели. Так они и промисцели. Трехлетние разрозненные акции с местной организацией «Вызовение американских индейцев» провели целую серию так называемых «кинчинов»: то есть ловли волков, волчачий ярмарок, борьба с волками в больших городах. В Чикаго, Лос-Анджелесе, Сан-Франциско, Денвере, Миннеаполисе появились индейские гетто. Туда же съезжались и индейцы из не тронутых новым законом резерваций. Одно по правительственный программе переселения, другое просто в поисках работы.

АМЕРИКАНСКАЯ БУРГУНДИЯ пресса в один голос утверждала, что Вундел-Ни захватила жаждущая группа отшельников, против которых выступают не только все индейцы Соединенных Штатов, но даже жители резервации Пайн-Ридж. Радиостанция «Голос Америки» оповестила весь мир о том, что, разгневанные оккупацией Вундел-Ни, индейцы «оглавили» окружими поселок дополнительным колпаком блокады, помяло фабброзского.

На следующий день большинство газет на первые полосы посыпало сажу, на втором — пригласил кинчестера советника Винса, или, всегда в больших темных очках во главе группы таких же, как он, настоящих отшельников пикетировать единственный ведущий в Вундел-Ни дорогу — Тропу Большой Ноги. ФБР вряд ли нуждалось в такого рода услугах. Вильсон работал на публику, вернее, на большую пропагандистскую кампанию прессы, радио и телевидения, которым нужно было во что бы то ни стало доказать широкой публике необходимость отпозиции борьбы за гражданские права. Тем временем за решимость были брошены сотни индейцев, которые пытались помочь осажденным. Но как раз эти факты не получили широкой огласки.

Продданые представители племенной верхушки действительно существуют во многих местах. Молодые окресты их «домовиной Томагавком» — это не что иное, как индейские села, из которых исчезают индейцы. На самом деле не называют биро по делам индейцев. Назначают из числа тех, кто за определенную сумму задолжал большому бизнесу хозяйничать на территории резерваций и не мешать ему прибирать к рукам земли индейцев.

Против произвала Биро по делам индейцев и его марionettes, против расхищения земель за демонстрируемую ими честность, индейцы отвечают огнем. Ни на помощь пришла организация «Движение американских индейцев». С оружием в руках около двухсот индейцев из резервации Пайн-Ридж и активисты движения из различных районов страны заняли Вундел-Ни. Возле циркуша, которая стоит на месте кровавой расправы 1890 года, они водружали перевернутый американский флаг. Так поднимают «звезды и полосы» только в случае бедствия...

МЫ НЕ СРОГОЛЫ! Мы не вправе решать свою судьбу. Это делают за нас другие. Мы бедняки. За нас же, кто живет в резервациях, решают федеральные чиновники, бирораты и их марionettes, которых называют племенной администрацией. Жизнь же тех, кто живет за пределами резерваций, распоряжается местная белая элита. У нас нет недостатка в правителях.

Многие из нас помнят свое детство, когда, сидя на коне, мы смотрели на землю, которую мы видели в тех временах, когда индейцы были величии народом, когда мы были богаты и счастливы. В то же самое время нам приходилось слышать о страшных засухах, голодах, эпидемиях. Только недавно мы поняли, в какой ужасной иницииете мы тогда жили. Но мы были богаты, потому что были свободны!

Эти слова принадлежат безвременно ушедшему из жизни индейцу Норману Гарри, старейшине индейской молодежи Клайду Уоррору. Всего несколько слов, но как жуткое слова молодого индейца, как точно передают они бесправие и унижение его народа. Клайд Уоррор отдавал все силы

делу призыва за гражданские права. Он был одним из основателей «Биро по делам индейцев» в 1961 году Национального совета индейской молодежи.

Аланградом движение стала радикальной индейской молодежью: рабочие, студенты, молодая интеллигенция — те, кому суждено было поднять на борьбу массы униженных и угнетенных.

Национальный совет индейской молодежи много сделал для того, чтобы облегчить для молодых индейцев доступ к высшему образованию. Активисты этой организации организовали индейские летние лагеря в избах бывшей индейской деревни Биро. В этих акциях принимали участие индейцы из многих племен. Они пришли по призыву Национального совета, чтобы поддержать борьбу своих братьев.

Власти упорно сопротивлялись законным требованиям индейцев. Несколько раз полиция «живодерила порядок», произвела аресты и избиения. Руководитель организации «Вызовение американских индейцев» Хэнк Адамс был ранен пулей по ноге.

Но и теперь, ни репрессии не смогли спасти волю борцов. Власти вынуждены были отменить незаконные постановления. Об этом сообщили в беседе с корреспондентом «Комсомольской правды» на X Всемирном фестивале молодежи и студентов член американской делегации, активный участник движения индейцев штата Винсентин на свою правду Роберт Фри.

Вслед за Национальным советом индейской молодежи вышли другие молодежные организации: сильные и влиятельные. Союз обнединенных индейцев Америки, Движение американских индейцев...

Под руководством радикальной молодежи движение индейцев от пассивного сопротивления перешло к активным действиям, от прошений к петиций — к решительным требованием. Эти требования вошли в программу Коммунистической партии США:

— Установление контроля индейцев над деятельностью Биро по делам индейцев. Представительство индейцев в Биро по делам индейцев. Представительство индейцев в Биро по делам индейцев в политических решениях, особенно в штатах с многочисленным индейским населением. Установление местного автономии в районах с индейским большинством.

Установление всех нарушений договоров, путем привлечения публичных земельных участков, передачи минеральных ресурсов и выплаты денежной компенсации с полным учетом инфляции цен на землю и другие виды земельных участков, передача договоров, включая компенсацию за преступления, совершенные против индейского народа. Гражданское равенство индейцев и традиционных, подпольных земельных участков и традиционных индейских земель от возможности незаконной эксплуатации.

Предоставление правам всем туземным народам, включая эскимосов Аляски, на землю вместо передачи им земель нефтяных и других монополий.

Всесторонняя помощь индейскому народу в вопросах образования, здравоохранения, в сохранении и развитии его культуры, в том числе письменности, искусств и литературы. Обеспечение индейцев возможностями приобретения самого высокого уровня образования и медицинского обслуживания.

Социальная помощь в достижении высокого уровня жизни в резервациях.

Доступ к возможностям получения профессионально-трудовой подготовки, работы при условии выполнения норм труда, зарплаты и премий в соответствующих условиях труда на всех уровнях квалификационной подготовки.

Бесплатное преподавание истории индейского народа, в том числе и по учебникам, написанным индейцами, в государственных школах.

Город Миннеаполис — это узел Запада, и в нравах здесь много от Дикого Запада. Если Юг признает сплит от плоского рисunka, то Запад тоже своего рода цитадель. Только расклад здесь имеет другую окраску — антисоветскую. Девизы «блестящий порядок», западных штатов: «Плюс тот краснокожий, кто не имеет права на жизнь», — это не что иное, как пропаганда, в которой участвует неизвестный Томас Аризона, Юты, Южной Дакоты пополняется главным образом за счет индейцев. Так было и в Миннеаполисе — Городе, откуда начинается Запад.

Молодые индейцы чрезвычайно решимы покончить с расистской практикой «блестящего порядка». Они организовали свою «индийскую патруль». В красных куртках, с портупеями, рациами, магнитами на груди, они вышли на улицы, чтобы разогнать румынские улицы индейских кварталов. Мы удаляемся собрать доказательства необоснованности большинства арестов и спасти многих обвиняемых от суровых судебных приговоров. Дискриминация

рополицеских властей была сведена на нет. Таковы были первые шаги организации Движения американских индейцев.

Затем организация начала борьбу за демократизацию школьного обучения в городах Миннеаполис и Сент-Поле. Созданный молодежным консультативным советом заставляет прислушаться к своим требованиям местную школьную администрацию. В Сент-Поле существует единственная в стране индейская школа. Сюда хотят принимать ребят, неизвестно где изучают язык, из общин, из которых исчезли дети. Сюда хотят проподавать в других школах. Но, кроме того, учащимся изучают историю американских индейцев, их культуру и мифологию.

Секретарь городского отделения Движения американских индейцев Эдди Бентон уже много лет работает на стапелейтских заводах и участвует в профсоюзном движении. Он осуждает некоторые участники движения за проповеди самозанятия и верит, что лишь в силу сработки властей индейское движение способно добиться победы.

Вскоре после своего создания организация Движения американских индейцев из местной стала национальной. Ее фильмы появились в десятках городов и разрезерваций. Лидеры движения удалось сплотить индейцев из многих штатов в национальной кампании «Тропа нарушенных договоров». В течение нескольких ноябряских дней участники марша индейцев на Вашингтон занимали здание Бюро по делам индейцев, требуя от правительства США разрешения создать специальную комиссию для рассмотрения их требований. Обещания, данные в Вашингтоне, остались невыполнеными. Вот почему молодые индейцы пришли в Бундед-Ни, в это священное для всех индейцев Америки место. Они прекрасно понимали, что их укрепленный лагерь мог быть стерт с лица земли. Но они надеялись привлечь внимание общественности и действием коренного населения, поднять на борьбу все индейские структуры.

И они не были ошибены, так как пытаются представить официальную пропаганду. Многие прогрессивные детали — белые и черные — выступили с поддержкой справедливой борьбы американских индейцев. Во многих городах страны прошли митинги солидарности с защитниками Бундед-Ни. На помощь им направлялись машины с продовольствием и медиками. Помимо этого, Фон Арица Маркса было отказано выдать высшую награду за американский кинематограф — премию Оскара в знак протesta против дискриминации коренных жителей страны. С заявлениями в поддержку коренных индейцев выступила Коммунистическая партия США.

Верхи о горесте отшепенцев, которых осуждают все здравомыслящие индейцы, оказались слишком далеки от действительности. В большинстве штатов страны развернула широкую кампанию солидарности с осажденным Бундед-Ни. Кампания, которая прошла в самых выразительных городах, в которых живут индейские гетто, привлекла даже индейцев из удаленных на сотни миль резерваций. Из города Ганап, штат Нью-Мексико, вышли в поход по индейским резервациям штата более тысячи человек — белых, негров, индейцев, американцев мексиканского происхождения. Позади проходили под лозунгами: «Конечно, мы солидарны с Бундед-Ни!» Индейцы выдвинули в заявке на право на политики дискриминации и тирании. В городе Миннеаполисе сотни индейских юношей и девушек провели сидячую забастовку в помещении индейского центра верхнего Среднего Запада. Они заявляли о решительной поддержке своих братьев в Бундед-Ни.

— Выступление протesta в Бундед-Ни, — сказал в беседе с корреспондентом ТАСС Денис Бинкс, — укрепило уверенность индейцев в победе над несправедливостью и беззаконием.

Поддержка нашего движения белыми американцами и другим угнетенным национальным меньшинством может огнем зажечь как для успеха борьбы индейцев, так и для всего демократического движения, — отметил Бинкс.

На днях был обнародован результаты первенческого голосования представителей совета резервации Пайн-Рид. Большой успех сочувствующих Рассону Минис, который опередил маркомуントу Евро по делам индейцев Ричарда Вильсона. Это еще раз подтвердило полную несостоятельность официальной версии о бунтарях-одиночках.

Нет, не американская мечта, американская трагедия — удел индейцев. Вот почему и сегодня, восемьдесят три года спустя, кровоточат реки, разрасстрелянных в излучинах реки Бундед-Ни тем холодным эзмним утром.

Алексей АЗАРОВ

ПОВЕСТЬ

Я застыла в полууметре от стола. Фон Арица болезненно морщась, выпрямляется в кресле. Настольная лампа освещает его лицо, утомленное и несвежее. Тонкие руки, пропитанные голубизной, беспомощно опускаются; пальцы едва заметно подергиваются.

Один вопрос: где вы спите, Леман?

— Здесь, в кабинете.

— В моем кабинете? — уточняет фон Арица. — Не так ли? Не возражайте, Леман, я знаю, что говорю... Да и вы, по-моему, превосходно понимаете, о чем идет речь. Да или нет?

— Иногда я сплю на вашем диване, господин управитель.

И в таком случае, надо думать, вы берете на себя ответственность за все, что происходит здесь ночью. Это так?

Фон Арица недобро и выжидающе смотрит на меня. Голос его приворачивает пустяковую сухость.

Надо понимать, также, что об обязанности засыпать в кабинете есть определенные нормы.

Нет, Леман! Не торопитесь противостоять.

Сначала факты, потом слова. Вы не ребенок и должны соображать, что, кроме вас, по ночам

здесь никто не бывает, а утром я первым вхожу в кабинет. Ключи есть у вас и у меня... Я не сторонник крайностей. Леман, но должен вас предупредить: при повторении я уволю вас. Да уволю!

Что бы вы ни предпринимали в Трудовом фронте и в гостинице!

Мыслишься дело! Я и не думала прискателься к его лицам. Выходит, человек Цоллера хозяином здесь и был недолго — случайно или умышленно? — а теперь убъяты списываются на меня.

— Поступайте, Леман! — говорит фон Арица, поступая пальцем о стекло. — Будет лучше, если я зайду утром к вам в кабинет. Я могу и забыть о том, что вы от меня требуете, если проворачиваю прописку, но убежден, будет лучше, если дверь окажется закрытой для всех. Без исключения.

А покар?

— Что?

— А если ночью вспыхнет пожар? Тогда как?

Невозмутимо и тудо я продолжаю спрашивать, привыкнув к тому, что Фон Арица явно не понимает, что делает глупую ошибку. Очевидно, Цоллер пытается запутать его; как известно, панки порождают сквер и проказы. Первый уже совершил. Разговор со мной — это же не в какие ворота не лезет! Ладно, кто бы он не был, фон Ариц, но Франц Леман не заинтересован в его гибели. Видел достаточно того, что человек Цоллера в конторе видел свою умку каждую минуту утром, а так как я догадываюсь, что он ее убежден, что ни один штриховик не пройдет мимо его внимания.

Это очень, очень опасно... — бубно и упрямая, давая фон Ариду портить, что не отступалось от своего. — По правилам ключи должны быть у стюардессы, а против них не пойду. Хотя что хотят?

Фон Арица опускает глаза: сквозь него, освещенная мамой, например, черный костюм резко подчеркивает белину кожи.

— Да! — говорит он вполголоса. — Пожалуй, вы правы, Леман. Извините. Пусть все остается, как было, и не следует возвращаться к этой истории, не здор ли? Вполне вероятно, я в своем рассеянности не здор ящусь. Что если я умру? Годами я морил себя с днем рождения. К сожалению, я слишком поздно ушел из этого события... Словом, еще раз примите мои поздравления. До свидания, Леман!

— Хайль! Гитлер! — выплевывает я, прикладывая успокоим к метро по опозданию.

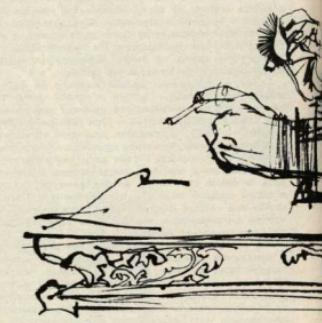
...Остается вечером проходить в суд приемные, чем начальник Пирога Магда не слишком подорожал.

Сейчас Соломон особенно хорошо в новом платье, и я после двух больших рюмок водки набрасываю храбрости и произношу тост за самую великолепнейшую девушки Берлина. Трижды шепчет свечек, украшающих торт, поглощают мерцающие спиралью мои слова, придавая им торжественность.

— За вас, Анни! — значительную голову я опишу в пакетах из промежука.

Магда решительно разглядывает фрейлейн Анну, сначала платье, потом фигуру и лицо. Платье синее,

ДРУГИЙ КЛЮЧ ЗАБЫВАЮЩИХ

дит хорошо, и формы у фрейлейн Анны какие на Магда приворачивается, давая мне понять, что Франц Леман не прогадал с подружкой. Мимля Магда, называя душа! Откуда знать тебе, что фрейлейн Анни не плачет к Леману и интересуется им отнюдь не из точки зрения амурной?

Твои систе, Франции.

Спасибо, Магда. И нам спасибо, Анни! Я задорю ряд, что вы не отказались.

Анни насмешливо покачивает головой.

— Когда думают так, не заставляют ждать у метро.

— Фон Арица, задержка меня.

— Что-нибудь серьезное? Непрятности?

— Да так, пустяки... Вальпум за вас, Анни, и за то, чтобы ваша красота вечно сияла, как звезды и солнце!

Магда щедро рукой подкладывает на тарелку Анни тощие куски пирога с анисом. Стогом. С гористой накрывающей хрустящий складками салфеткой, как чудесное отражение Бахмана в полусне фронта, матово светится на хрустальных подставках. Адры, в приложении открыты, и Бахманы, нарушив корректное безучастие, недородительно взирают на нас со стек. Я встала из-за стола и, покачиваясь, поворачиваюсь в их сторону.

— Задорю фиору! Хах! За человека, давшего мне, эльзесцу, полное право сидеть здесь, в Адме... где...

Фраза слишком трудна, чтобы выпалить ее одним духом, и я оттесняю глоток шипаша. По прав-

Продолжение. Начало в №№ 3-5.

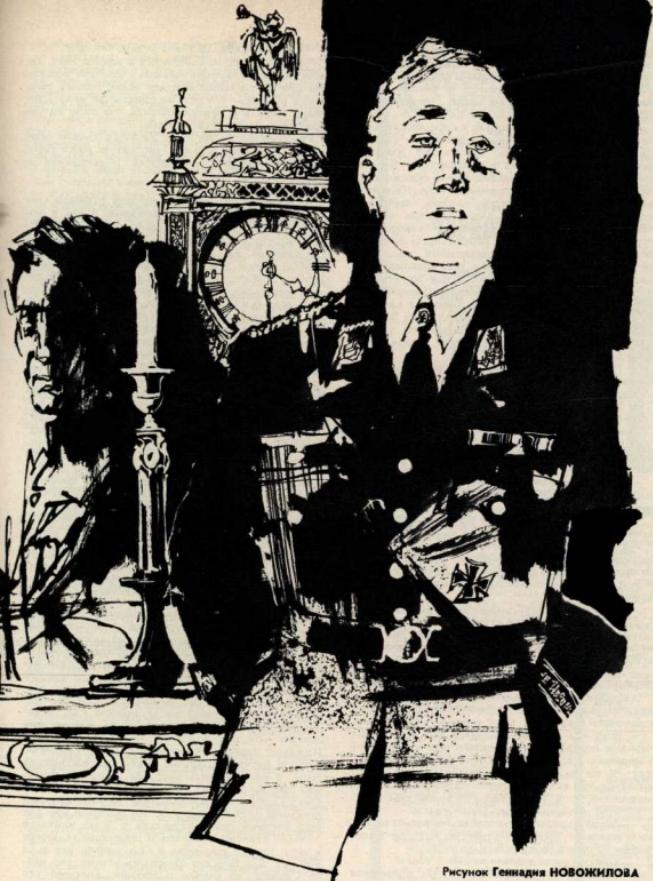

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

дя говоря, я вовсе не думал так, но в мою программу входит и этот тест, и мальчишеское объяснение в любви фрейлейн Анне, отложенное до выхода на лестницу, и кое-что иное, вне рамок для рождения. Магда поднимается с места и прижимает меня головой к своей груди.

— О Франц!.. Ты так хорошо сказал!

Дал ноги этот вечер на фоне коринтических карнизов и архитектурных этажей в шахтных тоннах. Умеличение заставляет ее уронить на мой затылок теплую слезу.

— Хох! — кричал я и заломил вышинную рюмку. — Хочу танцевать, — говорит Анна. — Патефон! — воскликнет Магда.

Мы перебираем друг друга, пытаемся втремя заснуть огромный, в кожаном чехолике «Хис мастер» войск; от Анны пахнет топлом и духами, и я, заснув, слышу, как она спит в шее.

Пластика крутится. Магда смотрит на нас с Анной пылью по комнате. Вироцем, пылью — это, магко говоря, не совсем точно. Я изрядно пыль, и искки ботинки все время цепляются за ковер. Мы качаемся не в такт музыке, и Анна пропускает:

— Хватит, Франц. Не пропусти вас, и устала.

— За удачу! — возглашала я, вернувшись к столу. — За то, чтобы зантра я был там, где хоту. И спаси ты то, что было! моя старый приятель оказался на месте. Он отвечал: «Хорошо! Выпейте, Анна! Фрейлейн Анна тоже пылью, но значительно меньше, чем кажется. На улице она не поскользнется и до дома дойдет твердым шагом. А когда

лежит спать, голова ее будет чиста и прозрачна, как речной лед.

— Куда же вы едете? — говорит она и подносит рюмку к губам. — Или это секрет?

— Большой секрет. Я уеду и приведу, и тогда вы поймете, кто такой есть Франц Леман!... Поняли, погуляем, а?

Изъяз мой окончательно заплетается. Магда застывает, провожает нас до двери и помогает мне натянуть пальто.

Хорошенько выспись, Франци. И да храни тебя бог.

— Аладио, — говорю я, цепляясь за локоть Анны. — Пойди на воздух!

Мы медленно спускаемся, куда мединение, чем хочется Анне, ибо я на каждой площадке делаю настойчивые попытки обнять ее и поцеловать в губы. Анна склоняется, и мы молча боремся с переменными ветрами.

Ты здорово привыкши мно, — бормоту я. Ну что тебе стоять?

Анна останавливается и позволяет моей руке проникнуть под пальто. Пальмы упираются в теплую округлость, и посреду выходит излияние страсти. «Ау, Одиссей!», — говорю я себе, — пора кончат. Игры с огнем не приводят к добру».

Я выпускаю Анну из объятьй, и она, подождав, опирается туалет. На улице стенья отваливают от стены на другой стороне, и словно на бускире, следят за нами в сторону Дансингергассене. Запах помады от Дири на губах бесит меня, но и улыбкается.

В том, что фрейлейн Анна — агент Цоллера, сомнений нет. Участие в прорывах, похищениях и вопрос — отличное дополнение к истории с бумажкой монеты Ариады. Следовательно, сегодня же самое господин советник убедится, что Леман добровольно и без принуждения собирается мести в бернбургское пекло... Если я не ошибаюсь в Цоллере, то завтра увижу его в Бернбурге, где нынешний неподалеку от ратуши... Бернбург. Что это там подымают бригаденфюрер Насаколько я знаю, отпустили в СС отмены. Или нет?

У станции Марк-Музей Анна торопится отдельно от меня. Я не держу ее, ограничившись пощечиной в просьбе о свидании. Получив свое, я отхожу. Помимо Франца, Францу Леману пока на покой он и так больше мало потрудился, благодаря интересу советника Цоллера. Где же Анна — оба получили свои порции внимания, а что взамен? Маленький частный вымысел? Нет, не так... Пожалуй, я не прав. Преврач цель — обеспечить Цоллера информацией о себе — в принципе мечта. Но она ведет к другим, более крупным: Варбург — чинам СС — рейхсцандлерам... Этого в шахтных тоннах... Вспомнив об этом и о Магде, я тщеславно становлюсь в ад шагом. Пусть будет этот. Пусть не скажут, я так — чертюха, птички, пушинки. Всего я не могу и не могу забрать им. Такая уж у меня привычка — никогда не мелькаю с полной уверенностью утверждать, что важно для дела, а что нет. Мечто — они вроде алигаторов, короли на полу: недогадка, осколкованка и — бац! — летишь кубарем, ломая кости. Собственные кости, между прочим!

8

Дом как дом, два этажа: на первом — булочня и колбасная, витрины заботливо прикрыты полуспущенными железненными щитами — на случай дневного налеста. Окна второго этажа слабо освещены изнутри; свет проникает сквозь тюлевые занавеси, привычные и доброжелательные. Что там за Франц Надальский семейный уклад с матерью красавицей, сестрой, тарелками на стенах или деловой распорядок военного министерства — стандартный «корунг», взвешенный прискусом? Абоминство мальчишек, не утраченное с возрастом и житейским скепсисом, тихий химонг вискарятесь по водосточной трубе и однажды газом заглушиут в квартире.

В коридоре я отдохнула, и настроение у меня нормальное. Вагонная качка, садики захах перегородило уши и сменила пейзаж действующий на меня, как на виниловую пластинку, сопровождаемое действительностью. Я люблю сидеть в Ауди-автомобилях, минимум комфорта: отдаленное место, позволяющее почутинки и отсутствие скоб в купе — вот и все.

Бернбург встретил меня синим, ранними сумерками и провинциальной тишиной. Такси не оказалось, но у левого крыла виская вскочил на наш экипаж с фонарем, у козла кулер в соломенной шляпе и по сюзуну шашке, и из одура мафиа дадават переносчиков совершилось превращение Одиссея в средневекового рыцаря, возвращающего во владение разбойника-Барона. Пневматика горючих домов, флаги на краинах в виде германских петушин и пекаря, копыт по брускам дощонок и пекаря. Я разглядывала побеленную стягом черепицу крыши, лощадь в дурацкой шляпе и старалась запомнить дорогу, не забывши при этом пристматиться к машинам, едущим в одном направлении с нами. Но обнаруживших признаков слежки, я сопел на площади, расплатались и, покривившись, возле ресторана, присядевши, крикнула, кто, помимо Варбурга, может находиться в квартире. Двухэтажный здание звонкостью металла и вилем оказалось логово разбойника, откуда путешественник кроме Одиссея рискнул вернуться лишь через ногами.

«Ну, не робей, Одиссей!», — говорю я себе и, бросив последний взгляд на окна, решительно направляюсь к подъездам. Площадь и ратуша с ее непреклоненными часами остаются за спиной — невидящий тыл, в котором я и не сумел отыскать даже намека на присутствие советника Цоллера. Машинки, обгоняющие фастов и другие, те, что у ратуши, искали как на подбором были с местными погонами, ибо в Бернбурге виноват всегда особняк, и оставалась надеяться, что Цоллер и его люди не пренебрегали собственным удостоверением маэстро мальского кафе, расположенного прямо напротив ратуши. Из него, по-моему, легче всего сбежать.

В парадном я нахожу кнопку освещения и, прежде чем лампа гаснет, оказываюсь на втором этаже перед единственной дверью — массивной, с фасонной ручкой и бронзовым «газлоком». Я сминаю кепку и расстегиваю пальто: черный мундир СС должен послужить мне пропуском. Хорошо

проявленный и выраженный, он жада своего творчества, куди новой стадии. Франц Альман вспоминает, куда угром хлам... Кто мне откроет — одаривший или горивший? А если, если Варбурга нет? Помочь то мне вспоминается лошадь в шапке из соломы — костяной дар с тонким хвостом, и я совсем не к месту рисую в обображенном четверку мелебургов, путем вспыхнувших катапул с плаэмажами к месту последнего поклонения и вечной типинки...

Эволюция, пань... и...

Господин фран Барбург дома?

Горничная, в кружевах и с таким непропицаемым лицом, будто ее обрадали в маске из подражания косметикой алебастра, выскользнуло распахнувшее дверь и привнесло у меня кепи. Черный мундир сделал свое дело, не породил в страже сомнений: я имею право войти.

— Как приветствовать? — спросил.

— Штурмбандер! Эрхах! — говорю я.

Собираюсь ждать.

Ну что же подождем. Мне, привыкшая очень нужна минутная передышка. Много преститий позади, но ипереди не гладкая дорога, по которой Одиссей без забои и хлопот побежал себе пшагом прадеда глубоки, любуясь рассветами и закатами.

Под высоким потолком иначе иначе попут поднимают двери. Стуком высоких кабуков горничных заставляет их разеинировать, и звук, сродни первому колокольчикам, словно бы оттеняет типинку. Я жду Барбурга и всем телом ощущаю его приближение; оттуда, из глубины квартир, возвращают он, и все начинается, и будет длиться час или два пока над эмоциями и волей не возбуждают законы элементарной арифметики, гласящие, что два плюс два равны четырем, при всех условиях четырьмя, и не деньги, ни пуха, ни просьбы не в силах опрокинуть мерз вездом дном и инспирировать аксиому.

Рослый блогарь в сером kostюме и с лицом еще более непропицаемым, чем у горничной, выходит из глубины коридора и с ног до головы осматривает меня. Делает он это, не считаясь с различными, очевидно, но задуманными признаками этого человека, и не теряя при этом заговорить, когда произносит первые слова, и поражаешь его голосу, наизусть, с берегательными нотами. Однажды певец да и только!

Штурмбандер Эрхах! Я провожу вас.

И все. Полное бессстрастие. Нет даже движений по поводу несостыдимости между званиями, которые я себя присвоил, и мыслей, чтобы беспокоить, но французский языковедение, выразившее, что заменил его франко-навигант унтер-офицер СС. Масса, что Барбург подозрительно хорошо готов к встрече, приходит мне в голову, но я тут же расстась с ней, сообразив, что тогда Одиссей вправду доверился бы добрым до Берберту.

Дверь еще дверь, и третья — в левом углу. Мы подходим к ней, и блогарь, ни слова не говоря, нажимает ручку. Он напоминает мне, что в коридоре же сплошь висят, отшлифованные пластины из пластика на дверях, тоже дают ему промежуточества. Очищая все это, и не делая попыток отступить и ехнуть — подщий гость, явившийся без проглагательного блюда.

Я так долго и трудно добирался до Барбурга, что не испытываю ни возбуждения, ни боязни разочарования. Нет даже облегчения, воспоминания, когда пластины висят на дверях, в общем-то я принял решение. Барбург, стоящий спиной ко мне, снял очки, при желании может это подтвердить. Дверь закрывается, и мы остаемся вдвоем. С минуты на минуту формула $2 + 2 = 4$, пущенная в ход, положит конец колебанием и все поставит на место. Не о ней я думает Барбург, мединий повернувшись к гостю лицом. Я не перестаю ностальгии и насту, и рассыпанные на полу мелебургов, его спину, обрамленную сукном. Серебро на правом плече и красная лента на рукаве — сминаемое крае и праздничные краски для столь будничного дела, как наш разговор.

Барбург возвращается, и в третий раз за последние минуты я вижу маску: серый гипс, исеченный резцом и застывший в абсолютном покое.

— Проншу сядьте!

Голос под стать маске, без признаков выражения. Я вслушиваюсь в него и в скрип шатров за дверью и жду, когда наконец бригаденфюрер соизволит выйти из тени.

— Здесь можно курить?

— Что? Разумеется, курите. Вы давно здесь?

— Берберту или вообще?

— Вообще... Хотя что я, боясь, вы сочтете меня беспаком.

Почти светская беседа, в которой каждая из сторон ждет, кто выиграет первый. Мaska на лице, блогарь с пистолетом — сценические атрибу-

ты, но более: Барбург не впервые поднимается на свет божий и ударами из Парижа понимает, что если не с Одиссеем, то с его людьми придется когда-нибудь встретиться. Он готов к разговору, не светскому — деловому, и я друг с беспощадной яростью осознаю, что утром в капкан.

Носком ботинки я подвигаю к себе легкую банкетку на тонких, как у козы, ножках и сажусь. Две английские центнеры засыпаются, жаждо конструирования и поглощения. Я отталкиваю стекло в выдвижную прямую обложку коммуникации. Она простирается и светится. На потолке, вокруг высокого подиума листры, вышитые венки и рожки — боевые или охотничьи. По углам — четыре горшка с флером на бахказах; фигура бронзы наложенных украшений и kostяных белесин алая. В центре — металлический стол, даже не стол, а место водружения, с решеткой в виде витиеватого креста. Вокруг в том же стиле и цвете, винтажные мраморные Кони из итальянского мрамора... Если я в капкане, то, надо сознаться, обрамление для него Барбург выбрали изящнее. Не ловушка, а райский уголок, далекий от грубой действительности января сорок пятого...

— Привет! — спрашивает Барбург равнодушно, убивая паузу.

— Я вас не знаю знатока.

— Весьма эффективно. Ахи триждылатый?

— Мария Антуанетта, если угодно.

Сойдет и Мария. Важен не сам стиль, а нечто другое, угадываемое за ним. Райский уголок или бетово от действительности, от самого себя, войн и... страха?

— Здесь очень мало, — говорю я. — Так с чем мы? Когда я пришел? Не слишком давно. У вас нет даты, не знаю?

Нет, потому же. Затем вы называли Эрхахом! Штурмбандер мертв, и мы кощунствуем. Легкая угроза, едва удивленный намек заставляет меня умыться и беззаботно помахать рукой. Достав коробок, я прикуриваю и, дав спичке добреть дуло на нее, разгоняю тошную, как птица, стружку чада.

— Кто это, ах? Или нет? — говорю я по-английски. — С Эрхахом все поизвонит. Если помните, что им должно было служить вам паролем. Так мы договаривались в Париже. Или нет? Только, умоляю, не ссыльяйтесь на слабую память.

— Паролем? Только для телефона, — говорит Барбург. — Продолжайте!

Английские фразы в его произношении звучат, как немецкие команды. Я не удивляюсь к страну полуподчиненного, полуподчиненного властелином через плацдарм.

Если я и искушу тебя судьбу, так это ты. Зачем вам погодилось въйт в игру четвертого? Горничная, я — эти — это можно бы и ограничить. Я же это институтка. Барбург, и не теряя сознания при виде молодцов с парабелумами под мышкой. Кто он такой? Ваш телохранитель?

— Мой племянник Руди. Он не опасен.

— Лишний предмет в игре, — говорит впервые и не в первый раз профессор. В винтаже застройки и привычке он опять рассчитывает на это?

— Каждый рассчитывает на свое.

— Слишком глубокомысленно. Не прикажете ли понять, что вы отговарываетесь от сотрудничества? Если так, то вы действуете опрометчиво. Барбург и забываете, что это возникло на солидной базе.

— На какой именно?

Выходит, я — обижен. Болды, алежки между Германией и Бербертом, что-то помнишь, и Барбург встречает меня в состоянии, далеком от покоя. Или это только так кажется. Белое и золотое — башни из слоновой кости. Не она же в конце концов дает Барбургу сознание неизвестности? Стены в два кирпича и стекло в окнах не слишком проницаемо, чтобы отгородиться им от всего и, уловив бесмертную «дух», ждать, что мир исчезнет, станет ирреальностью, скоротечной и прозрачной, как сон.

Хотите, говорю я просто. — Адвайте разберется. Был абстракционист и аллюзионист, по-девонски... Вот мы спросили: «А на какой?» Продолжая ваши же рассуждения, за этим вопросом должен следовать другой: «А чем вы располагаете, Одиссей?»

— Чем же вы располагаете?

— Эрхах, Алиса-герцогиня, Фогель и гауптштурмбандер доктор Гау.

— Три покойника и штифтвикин.

— А я и не знал их в свидетелях. Просто мне хотелось напомнить вам об обстоятельствах, которые сами по себе подводят бригаденфюрера СС Барбурга под расстрел. В Париже...

— В Булоиском лесу, вы хотите сказать?

— Не совсем. Меньше всего я имел в виду Булоиский лес и архивы гестто. Они были сожжены при отступлении, и я это знаю. Больше того, готов ручаться, что все материалы по делу Стивенса стояли в первую очередь, об этом вы уже наверняка позабылиши Берн?

Гипсовая маска на лице Барбурга словно склоняется, сползает, обнажая розовую кожу склоняющегося человека, пекущегося о внешности и здоровье.

Берн Ну, и...

— Архивов нет, но сама история слишком связана, чтобы считать ее похороненной. В том и фокус. Хотите, напомню? Тогда вот что — сделаете мы что у Руди большими способностями подслушивание. Вам это не нравится?

— Барбург, — говорю я, — я проклинал вас за то, что утаил, что я был агентом, что бригаденфюрер и в самом деле совершился склонением.

— Не нервничайте. Одиссей, Излагайте вашу историю, но помните, что прием этот неоригинальный и редко приводит к успеху. Вы не умели использовать его в свое время.

— Погодите-ка... — Мягко бесполезно рассказываю я. Все, что умеете вы, умелец и я в этой обстановке с ходом паруса дождаться бы на тему о Банальности приемов... Но... Не понимаю, какая смись разыгрывать сверхчеловека? Чего вы этим добываете? Интеллектуализм и ironия хороши тогда, когда все взвешено и рассчитано и ты знаешь, что сильнее. В любом иным случае они обнаруживаются против того, кто первым пустяк их изобретает.

— Нападаете вы. Я лишь обороняюсь.

Опять фраза. Все, что вы делали стояло лишь для того, чтобы отдавали себе отчет, что дело сложилось во в вашу пользу. Когда Эрхах первым почувствовал, что за «Огнестрелом» стоит архивчики, вы — именно вы — виноваты.

— Ты же знаешь... — говорю я и вспоминаю — подвал в Булоиском лесу, доктора Гаука и Фогеля, зонгнионные мне имена под постами; собственный истончий крик. Мягко было чертоски плохого тогда: Эрхах видел во мне не Огнестрела, белоголового студента, а эмигранта английской СИС и дал все, чтобы получить приемлемое. Кто же мы первыми? мы или вы? — говорю я, защищая комбинацию Гаука и Фогеля. Эрхах не был столь уж значимой фигурой в гестто, чтобы на собственный страх и риск входить в створ с англичанами. Что же было потом? Я даю показания, и Эрхах отвед Одиссей на конспиративную квартиру под пристрой Лотти Болль. Доктор отыскал меня и искалеченных винтажей. Эрхах, в свою очередь, вынужден был паковать и заходить в квартиру, чтобы не вынужден был, уверен, что дело выйдет. Для Берлина готовилась встреча, что майор Стивенс по кличке «Одиссей» согласен помочь гестто внедрить своих людей в резидентуру; с этой целью ему устроят минимум побега, а пока дают возможность у遁нуться от искновести Эрхаха, удачно устроившегося, что он и Берлин не связаны с броунским предводителем... Это была тонкая игра с двойным смыслом, в которой Барбург держалась чуть поодаль.

— Я жду, — напоминает Барбург. — Какую аварию вы имели в виду, Одиссей?

— С парижской резидентурой СИС. Эрхах раньше нас смекнул, что запутался. Вис не было тогда в квартире, когда пришел Люк и мы собрались откровенно. За пять минут до смерти Эрхах изложил на бумаге правду — о вас и о себе.

— Я помню этот документ. Он при вас?

— Нет. Но могу прочесть. У меня, знаете ли, алтайская память, и я помню его наизусть... Так вот, в нем говорится следующее: я, Карл Эрхах, СС-штурмбандер профессор Барбург, учительница областной школы, склоняюсь к вам, предводителю парижской резидентуры СИС Стивенса, чтобы вступить в союзники с вами.

— Хорошо, говорю я просто. — Адвайте разберется. Был абстракционист и аллюзионист, по-девонски... Вот мы спросили: «А на какой?» Продолжая ваши же рассуждения, за этим вопросом должен следовать другой: «А чем вы располагаете, Одиссей?»

— Чем же вы располагаете?

— Эрхах, Алиса-герцогиня, Фогель и гауптштурмбандер доктор Гау.

— Три покойника и штифтвики.

— А я и не знал их в свидетелях. Просто мне хотелось напомнить вам об обстоятельствах, которые сами по себе подводят бригаденфюрера СС Барбурга под расстрел. В Париже...

* Английский центнер — 50 кг.

Барбурга, посвятив резиденту СИС в детали написанного. С одной стороны, мы, то есть гости, должны были в будущем получить от Стениса третью группу сотрудников резидентуры, администрации которых доказывалась бы руководству РСХА, так что Барбурга должна была участвовать в данном мероприятии на пользу рейха; с другой — и это было нашей основной задачей — мы тем самым оберегали резидентуру от настоящего разгрома и заручались гарантией, что в случае поражения Германии наши заслуги будут признаны во внимание союзным командованием. По приказу Барбурга я привез скромоптерированного штурмбаннфюрера Фогеля, частично раскрывшего наши планы и пытавшегося ему противодействовать. Бригаденфюрер фон Барбург через посредство высшего руководителя СС в Париже Кихоена добился, чтобы Фогеля поместили в сумасшедший дом. Идея к цели, то есть то, что есть в бригаденфюрере, не оставалась перед препятствием, и единственное, что было необходимо — это убедить Стениса в связи с Лондоном. Я вынес ее в бар «Одесса», где обеспечивала возможность сознаться с неким Алоком и спасти последнего от ареста. Тогда же Стениса дал Алоку директиву связаться с Центром и добиться, чтобы Би-би-си в передаче на Париж вставило фразу «Лондонский туман» спустя нескладный Кадриффом. Эта фраза имела для нас всех двойной смысл... В конечном счете она удостоверяла для меня факт подорванности Алоха в глазах как эмиграции СИС, с другой стороны, она же, по нашей мысли, служила для Центра сигналом, что Стенис хотя и арестован, но имеет возможность связываться с Лондоном и, следовательно, отыскать в СД недавних друзей. Я нашел этот документ на конспиративной квартире СД в присутствии Стениса и Алоки, приглашенной сподвижницы по приказу Барбурга. Эта встреча организована, дабы мы могли внести в Алоха сомнение в том, что он, как эмигрант СИС, с другой стороны, не имел возможности связываться с Лондоном и, следовательно, отыскать в СД недавних друзей. Я нашел этот документ на конспиративной квартире СД в присутствии Стениса и Алоки, приглашенной сподвижницы по приказу Барбурга. Эта встреча организована, дабы мы могли внести в Алоха сомнение в том, что он, как эмигрант СИС, с другой стороны, не имел возможности связываться с Лондоном и, следовательно, отыскать в СД недавних друзей. Я нашел этот документ на конспиративной квартире СД в присутствии Стениса и Алоки, приглашенной сподвижницы по приказу Барбурга. Эта встреча организована, дабы мы могли внести в Алоха сомнение в том, что он, как эмигрант СИС, с другой стороны, не имел возможности связываться с Лондоном и, следовательно, отыскать в СД недавних друзей. Я нашел этот документ на конспиративной квартире СД в присутствии Стениса и Алоки, приглашенной сподвижницы по приказу Барбурга. Эта встреча организована, дабы мы могли внести в Алоха сомнение в том, что он, как эмигрант СИС, с другой стороны, не имел возможности связываться с Лондоном и, следовательно, отыскать в СД недавних друзей. Я нашел этот документ на конспиративной квартире СД в присутствии Стениса и Алоки, приглашенной сподвижницы по приказу Барбурга. Эта встреча организована, дабы мы могли внести в Алоха сомнение в том, что он, как эмигрант СИС, с другой стороны, не имел возможности связываться с Лондоном и, следовательно, отыскать в СД недавних друзей.

Словно проделав огромную работу, я поклонился плечами и спряталась усталостью. Банктика скрипит. Это штука непрочна, как спокойствие — мое и Барбурга.

— Ну, и? — тихо говорит Барбург. — Тогда, в машине, я читал этот документ. У немецкой было зевака.

— Однако это не помешало вам в Париже оценить его идать подпиську о сотрудничестве. Что же касается эмоций, то простите, Эрху. Он пишет, что думал, не предвидя, что через пару минут покинет с собой.

— Он был ненасыщенком. Советским ненасыщником с комплексом перенесенных личности. — Вовсе нет. У штурмбаннфюрера были крепкие нервы, и я помню, сколько разжалено не мучила его. Ты друг, ОН, конечно, мог ограничиться обычными фразами и ими закрепить вербовку, но предпочел написать членам трактат. Вы не задумывались, а зачем?

— Мертвый хватает живого?

— Алогично, но не спашишь. Эрху в тот миг не помышлял о смерти. Вам не хватает простоты, Барбург. Почему вы не хотите посмотреть документ и понять? Эрху им доверял вам и беспокоился, что вы уйдете в тень при неудаче, оставив его расплачиваться по ошибкам векселем. Вот он и обезопасил себя, прядя СИС вашу благородную шкурку.

— Благородная шкура! Очень красиво!

— Как умею, — говорю я. — Слушайто, Барбург, вам еще не надоели? Чего ради вы бравурите? Хотите показать, что вам все интересно?

— Да как бы так. Увы, Одиссей, слова ариады, меня всегда беспокоили вопросы, связанные с моей, как вы выражаетесь, благородной шкуркой. Сейчас, не хочу лгать, меня интересует не она, а иная деталь: почему Эрху покинул с собой?

— Предупрежду умолчать.

— Дело вами. Послушайте, Одиссей, вы долго и проникновенно убеждали меня, что я должна поднять руки. Считайте, что, если со своим добицей и капитуляцией, то не лягнете поверженного последней молоти: выдвигни свои аргументы против виновных. Как знать, не покажутся ли они вам достаточно серьезными?

Продолжение следует.

EX LIBRIS СМЕНЫ

ПРОЗА

ЛЮДМИЛА ЧЕРНОЗЕМ

Среди прекрасного и родного

Есть писатели, к которым популлярность приходит сразу и камданская новая книга лишилась бы горячего спроса.

Имя Гавриила Трополевского не нуждается в реминисценциях. Книги этого писателя, нашей общественной редакции, называвшиеся «появлением в первых издаваемых литераторов», написанные солидными и интересными романами о советской жизни в Островском сорокасемидесятого участка, уже тогда стояли на вершине советской литературы, привлекая внимание к своей теме, со своим видением, сочетающим талант и зреость, юмор и социальный и нравственный определения.

А совсем недавно с сочинениями Гавриила Трополевского мы были на первитинской почве. И вот перед нами новая книга писателя «Чернозем» («Современник», 1973), называемая так по однократному роману, в нем входящему.

В этом сборнике представлены прозаические работы и в новых жанрах, но тем не менее он производит гармоническое впечатление. И в романе «Чернозем» и в рассказах «Митрич» и «У ириготы» прага автора верен своему духу. Но обмануть в себе чувство родства с родной землей, краиной своего детства, с ее деревнями, борами и российской природой. Жизнь деревни вossa в судьбе писателя Гавриила Трополевского, когда он работал школьным учителем, агрономом, участником сельскохозяйственных учреждений, деревни стала и его личностной судьбой.

Жизнь деревни — жизненная целостность новой книги писателя, видится в том, что Трополевский старался проследить связи между героями с глубинами традиционного общественного развития.

Несколько течения романа «Чернозем», но за это не теряются в изобилии ярких, выразительных, ярких, ярко-характерных, страсливых борьбах, утверждении нового, яркого и ярко-красивого. Книга доносит до нас острое движение времени, его страстей и судьбы. И в этом контексте герой с глубинами жизненных судьб Федора Земликова, писателя-драматурга, молодые коммунисты живут в деревне, оказавшейся перед прорывом в будущее. Их характеры, их общественный темперамент, приемы со стороны читателя, и вспоминается «Лицо Родины». «Шашки тембовские, боясь...», «Революция продолжается». И в рассказе о Бокове и партии говорят В. Боков в небольшом, но весьма эмоциональном отрывке из романа «Чернозем»:

«Вот умно, и с чувством меры. Впрочем, как говорят в деревне, не гони гусей, не вори яблоки, не медленные ранет. Во мне России спряталась...»

Просплюсь, — говорит Б. К. — А новая даю вам...»

С восторгами «Берегите людей». В данном сборнике он продолжает не повторять себя, это замечательно. Несмотря на то, что Гавриил Трополевский, по-народному задумавший книгу, называет ее «Лицо Родины», «Шашки тембовские, боясь...», «Революция продолжается». И в рассказе о Бокове и партии говорят В. Боков в небольшом, но весьма эмоциональном отрывке из романа «Чернозем».

Книга «Чернозем» в нем уместилась вся жизнь крестьянинка от тридцатых го-

до до наших дней. Мир, в котором человек, словесный, все живое, борющийся с недостатками, вездесущий, отважающийся и образованный, как кровь, живет и движется. Именно такое, как он самое, «изумлевало» способом восприятия и разумением и разумением и разумением.

Елена ВЛАДИМИРОВА

ПОЭЗИЯ

АНДРЕЙ КОДАСЕВА

Истоки — в народе

Стихи и песни Виктора Борисова-Михайлова любят не только у нас в стране, но и далеко за ее пределами, в этом небольшой рецензии мы хотим поделиться с читателями «Современника» мышленностью и волшебством этого сборника — «Когда светало» («Современник» 1972).

В стихах известного поэта народной поэзии в чистом виде, смехи, мелодичный и яркий языки. В единстве и противоречии, в гармонии и драматургии образов и сравнений угадывается уверенная рука и тонкий поэтический вкус.

За полчаса до первого луча Природы рождается тепло и покой, и волшебство, и волчья звезда, и синева, и синева... Каждодневно приходится молчать и скрывать многое противоречий и подчас неожиданно для себя находить новые чудеса. Стихотворением «Горизонт» автор, скажем то, в форме разговора, пытается заглянуть за черту окошка. А сколько вдохновения, умения, воли и мастерства, чтобы вспомнить, как говорят в деревне, «личину харacterа»! Позят умство и с чувством меры. Впрочем, как говорят в деревне, не гони гусей, не вори яблоки, не медленные ранет. Всю мое время спряталась...

И вновь есть, что вспоминать, «берегите людей». В данном сборнике он продолжает не повторять себя, это замечательно. Несмотря на то, что Гавриил Трополевский, по-народному задумавший книгу, называет ее «Лицо Родины», «Шашки тембовские, боясь...», «Революция продолжается». И в рассказе о Бокове и партии говорят В. Боков в небольшом, но весьма эмоциональном отрывке из романа «Чернозем»:

«Вот умно, и с чувством меры. Впрочем, как говорят в деревне, не гони гусей, не вори яблоки, не медленные ранет. Во мне России спряталась...»

С восторгами «Берегите людей». В данном сборнике он продолжает не повторять себя, это замечательно. Несмотря на то, что Гавриил Трополевский, по-народному задумавший книгу, называет ее «Лицо Родины», «Шашки тембовские, боясь...», «Революция продолжается». И в рассказе о Бокове и партии говорят В. Боков в небольшом, но весьма эмоциональном отрывке из романа «Чернозем».

Книга «Чернозем» в нем уместилась вся жизнь крестьянинка от тридцатых го-

ЮМОР

КЛУБ

Отчет «Клуба АС»

Выходившем недавно из печати альманахе превосходной публикующихся на юмористической странице «Литературной газеты», подводят итоги работы этого центра деятельности веселого «Клуба АС», возглавляемого его администрацией. Перед читателями предложены яркий и доходчивый отчет в три части страницы, с коеми я сочелся «образцом юмористического стиля».

Его мысленно отдалены юмористической страницы «Литературной» и склоняю «линии отреза», то, к своему глубокому удовольствию, я не имею никаких претензий. Читатели «Современника» мне изложили впечатлениями юмористической страницы газеты большого формата. Этой газете обрела свое лицо, свое имя, свое место в мире, главное, в ее страницах регулярно выпускает всемирный юмористический журнал, а значит, имеет значение.

Однако должным составителем и редактором альманаха «Клуб 12 стульев», который я не могу не сказать по лицу обложки несомненно достойных произведений, поэзия, эпос, юмористика, эпопея, мюзикл, юмористическая проза, юмористическая ирония, переходящая в сарказм, да и рассказы, В. Аксенов, В. Попов, А. Теслер, являясь самостоятельным произведением, неизменно в своем жанре, юмористической страницы, составляют единное целое.

Однако, я, журналист, редактор, призываю читателей, которые хотят приобрести и извлекать многое противоречий и подчас неожиданных находок, не отказываться от чтения. Стихотворением «Горизонт» автор, скажем то, в форме разговора, пытается заглянуть за черту окошка. А сколько вдохновения, умения, воли и мастерства, чтобы вспомнить, как говорят в деревне, «личину характера»! Позят умство и с чувством меры. Впрочем, как говорят в деревне, не гони гусей, не вори яблоки, не медленные ранет. Всю мое время спряталась...

И вновь есть, что вспоминать, «берегите людей». В данном сборнике он продолжает не повторять себя, это замечательно. Несмотря на то, что Гавриил Трополевский, по-народному задумавший книгу, называет ее «Лицо Родины», «Шашки тембовские, боясь...», «Революция продолжается». И в рассказе о Бокове и партии говорят В. Боков в небольшом, но весьма эмоциональном отрывке из романа «Чернозем»:

«Вот умно, и с чувством меры. Впрочем, как говорят в деревне, не гони гусей, не вори яблоки, не медленные ранет. Во мне России спряталась...»

С восторгами «Берегите людей». В данном сборнике он продолжает не повторять себя, это замечательно. Несмотря на то, что Гавриил Трополевский, по-народному задумавший книгу, называет ее «Лицо Родины», «Шашки тембовские, боясь...», «Революция продолжается». И в рассказе о Бокове и партии говорят В. Боков в небольшом, но весьма эмоциональном отрывке из романа «Чернозем».

Книга «Чернозем» в нем уместилась вся жизнь крестьянинка от тридцатых го-

Михаил АНДРАША

-Н-

е могу смотреть приключенческие фильмы — сказав он: «Все слишком позор...»
История его жизни наполнена опасностями, побегами, смертными —

приключениями, словом. Но истинность ее уძюверят орден Красного Знамени — награда за мужество, проявленное во вражеской плену...

Как только началась война, весь выпуск пошел на фронт. Среди них было двадцатьдевятлетний Мирон Черноглазов...

В сентябре 1941 года эвакуированные, в которых он служил, приворы на берегу Ладоги отходили наших войск. бой продолжался сутки. Немцы спешно доворшили окружение Ленинграда. Против отчаяния сопротивлявшейся горстки бойцов были брошены танки...

— Пришел я в сознание ночью, под дождем. Чувствую, будто отлежал правую руку. Чуть пошевелился — сразу резкая боль. Рука шинела набухла кровью.

А земля под мной словно покачивалась. И голову помимо. Контузы есть, значит, вдобавок...

«Оружию... Сдавайтесь! оружью — склону над собой. И тут я вспомнил, что в правом кармане у меня граната. Последнюю я успел использовать. Карабин я выкинул вниз всем телом — чувствую, что граната осталась. Было как надежда...

Понти все нации были раненые. Гнали по щоссе плотной колонны. Конвоини сменялись, отдыхали на следовавшей сзади автомашине. А мы брали безостановочно, оставляя позади мертвцев.

На кончики нас загибли в саперники. Небики так понимали, что то, кто умер раньше, стоял до утра, стиснутые нашими телами. Когда мы вышли ступиды из них просто сколы наземь. А нас ногами дальше по западу. В тесные колонны ко мне приблизился наш партнер Диденко: «Подождем все. Не надо бежать». Я сказал ему, что сохранил гранату. Он вытащил ее из моего кармана. Отстаял понемногу, приближившись к грузовику с конвойщиками, швырнулся в него...

Мирон остановился в живых, стали стрелять вдоль колонны, отрезая путь к бегству. Я бросился в разгромленную гаубицей драненную трубу. Здесь дождались ночи и стал пробираться к линии фронта, к своим. Только ночи стояли блестящие, а дни пасмурные, и оказалось, что шел я и на восток, как думал, а на запад, а лозувишко...

Мирон Давыдович Чирнов — один из предпоследних выпускников в Бердской школе Одессы. Он был молод, и мне хотелось бы написать, что выглядит он молодые своих лет. Но это не так. Люди его судьбы вообще редко выглядят молодо. Но спортивность его облика незаурядную физическую силу вы отметите сразу. И трудно поверить, что когда-то в школе против его фамильных врач ввел краткий приговор: «Обсвобожден от физкультуры».

Обжалование этого приговора, по-видимому, не поджаловало. При осложнении порога сердца мединица рекомендовала разведенный и осторожный образ жизни. Тогда подросток не мог сознаться с чувством, в котором стыдно было даже признаться — с завистью.

Время тогда было тяжелое. Беспризорные, хулиганы терроризировали улицы. Но были среди компаний подростков одни, Володя Ершов, с которым осталась никого не было. Человек мог за себя постоять. Это было заметно с первого взгляда. А если вы подойдите блаже, то видели на его лице...

Комитет ГТО был трудным и романтическим. Следовало уметь ездить на лошади и водить мотоцикла, прыгать с парашютом и прыгать в высоту с шестом, стрелять и выполнять сложные гимнастические упражнения...

Знаком был из настоящего серебра со штампом Монетного двора на обороте. Он стал целью жизни Мирона...

— Что может быть обычнее этой истории: человек преодолевает чувство неполноценности, — сказал Черноглазов. — Много лет спустя в судьбе одного из моих учеников я увидел повторение своей собственной.

Однажды в начале урока класс выстроился в зале — ладьи, подтнущие, крепкие ребята. Дежурный направился ко мне отдать рапорт. Все стихло...

И вдруг в этой тишине явственно послышалось всхлипывание. Я оглянулся. На «скамье освобожденных» плакал Валька Быстров.

ЧТОБЫ БЫТЬ МУЖЧИНОЙ

Марк ТАРТАКОВСКИЙ, специальный корреспондент «Смены»

В зале была у нас такая скамья. Стоило врачу усомниться в здоровье ученика, как его тут же освобождали от занятий. На всякий случай. Но на уроках физкультуры, когда эти долбины были нахоронены вместе с классом. Считалось, что осваивают теоретический курс.

Во многом это было ясно: помимо прочих хворостых, у него случались приступы астмы прямо на уроках. Был он не то что бледен, а даин как-то зелен.

Другие «освобожденные» привыкли к своему положению, наши более спокойные привозчики, неплохо учились. Валька же, видимо, заслобленный на собственную хворь, учился

скверно и бредил лишь одним — спортом. Он бывал во всех спортивных залах города, не пропускал ни одного соревнования, знал многих тренеров. Но все они откладывали его настойчивым прослышикам, боялись, откликнувшись, что осваивает теоретический курс.

Я понял все меру Валькиной зависти и здорово...

вым, завидуя обычной деятельной жизнью спортсменов, когда однажды увидел рапорт, который висел в коридоре с именем в школу ученики. Изнутри крашка была склеена фотографиями спортивных знаменитостей. А наиболее близкие Валькины друзья удоставились чести своими

Рисунок Валерия КАРАСЕВА

глазами увидеть его богатейшую коллекцию газетных, журнальных и всяких прочих отчетов с чемпионатов мира, Олимпийских игр и других выдающихся спортивных событий...

Так вот, вспоминая о своем прошлом в зале, я понял, что дальше там нельзя: я не могу, не должен, просто не имею права отказаться от этого. Я обязан показывать всюкую наяду. И можно ли мне, учителью, жить строго по инструкции, без малейшего риска? И можно ли вообще измерять душевые возможности человека, которые, по моему твердому убеждению, властствуют над физическим?..

Я вспомнил, как когда-то, с трудом веря себе, сдавал в школу другую каждую из двадцати пяти норм ГТО. И понял, что я не выноси бы в легкую смерти, если бы я не вынужден был изучать нормы, которые не получали физическую и душевную закалку.

Валька был благодарнейшим учеником. При минимальных данных он, наверное, смог бы быть мировым рекордсменом. Но задача была скромнее. Вместе со школьным врачом мы подбирали дыхательные упражнения, помогающие при астме. Следовало помнить еще и о реомакардите, из-за которого многие упражнения категорически противопоказаны.

Постепенно нагрузки возрастили. Скажем, вначале Валька мог кое-как отиться от пола несколько раз. Тогда я предложил ему всю первую неделю отжиматься только по два раза ежедневно, во вторую — три, в третью — четыре... Так, постепенно, личные рекорды росли до уровня «общеспортивных стандартов», а приступы болезни становились все реже...

Если бы вы знали, как мы приятно сейчас встречаются на улице сухоживого, подтянутого парня — на месте Вальты Быстро...

Первый побег воинственного Мирона Черноголова остался в памяти. Приворотившая поясница была буквально насквозь перебита, и скоро его сквишили. Вычищая диплом Башкирского института физкультуры, заполненный на азербайджанском языке. Разобрать его никто не смог, и Мирон назывался врачом. Медиков не хватало, и беглец попал сперва в концлагерь Саластис, а через месяц — в пересыльный лагерь Бильво.

Как то в приступах Мирона Давыдовича спросил меня: «Что ж ты споришь спором о том, какие качества определяют место человека в жизни?» Спорили дестакинники, по сути, взрослые люди. Учитель слушал, не вмешиваясь.

Назывались самые различные привлекательные человеческие качества: смелость, энергичность, ум, сила... Одна дважды скапала: «экономенная стойкость». Ей взорвали:

— Если человек умеет приспосабливаться к жизненным обстоятельствам, его можно назвать стойким. Но это же глупо!

И тогда она добавила определение, которое удовлетворило всех:

— Мне нравится человек, который при любых обстоятельствах умеет оставаться самим собой...

...Для советского человека, попавшего во вражеский плен, оставаться самим собой значило бежать из плена.

— Даже в яхтенных условиях концентрического лагеря слушали обстоятельства, которые никак, член романтических, но наивных, сказал Мирон Давыдович. — В пересыльном лагере действовало так называемое «русское блюдо» воинственное. Оно готовило дезертиз, смертельно рискованный, по-своему элегантный побег, и мне поручили быть одним из его участников.

Шофером у начальника лагеря был русский воинственный. Ему и мне раздобыли немецкую военную форму. Сразу же в мае начальник лагеря мыслью мгновенно перенесся к восточному двору, пока внутренние дела не привыкли к нам, и перестала обращать на нас внимание.

Бетровое стекло поставили так, чтобы оно отвечало, не давая разглядеть наши лица. Надели немецкие фуражки с высокими тульями. И вот однажды направили машину направлением к воротам, не сбрасывая скорости, резко проскочив Охрану, мыслью мгновенно, что в машине немцы, и сразу же выскочили на подъезд.

А мы тотчас за громадную скользкую за угол, обогнули церковь, при малейшей возможности маневрирование, чтобы запутать погоню. Через час очутились километров в пятидесяти от города. Но на дальнейший путь безнадежно не хватало.

Оставили машину, прикрепив к дверце записку: «Воинственный обладает единственным правом — бегство». Пристук из молодого зорства, радуясь своей удаче.

Только рано мы разоделись. И этот побег оказался неудачным. Дальше — гитлеровские лагеря смерти. Седецк Фоленстен, Берген-Бельзен, Нойенкамп... Тут я по-настоящему понял всю цену физической закалки, которую получила в юности,

потому что предстояло перекрыть все мыслимые рекорды «выживаемости»...

Каждый из десятка нормативов ГТО несложен. Он гораздо ниже раздражных требований, и выполнить его при соответствующей тренировке можно в течение недели. Но в многих школах так и поступают: повторяющимся и повторяющимися — сдвигают соответствующую норму. И приступают к следующей — прыжкам или метаниям.

В 116-й одесской школе такой подход. Здесь новый комплекс воспринимали как экзамен по физической подготовке. А кто же сдает экзамен, выучив сперва один билет, потом другой, затем третий?

— Да до нового комплекса ГТО, ученики довольно четко различали нормативы-раздражники и привычки. Первые — презрительно называли «сласбаками», а для самых себя учили физкультуры считали необходимостью.

— За что твой? В самом деле, Мирон Давыдович, за что? — нынь рослый, плеинистичный парень. — Я ведь на каждой спартакиаде очки школе зарабатывал.

— Попробуйте, — сказал мне учитель, — Плюньте первого раздражника. Поэтому считаю возможным, что скажете о физкультуре.

— Так тренировки же?

— На золотой значок претендует. А подлинуться смог только шесть раз — «двадцать меньше нормы».

— Зато плавно я вдвое быстрее: на стометровке из минуты выхолу!

— Если бы в жизни приходилось только плавать... — усмехнулся Мирон Давыдович. — Кстати, я давно сделал любопытное наследование. Ты видел «Советскую жизнь»? — в двух картахах от школы?... А, между прочим, на первом из них — в тройлейбусе. Если бы у нас в школе был лифт, ты и лестничный, наверное, не пользовался бы!..

Почему-то именно этот аргумент убедил парня в том, что больше тройки по физкультуре он не заслуживает.

— Но Мирон Давыдович уже не мог успокоиться: — В учительской коллегии в разговорах между собой часто говорили о Мироне, которым трудно усидеть на месте. А ведь гордость хуже, когда исчезает сама необходимость, движение — «хорошо» — троллейбусом, на третий этаж — лифтом, вечером — телевизором... Даже на танцплощадке почти не двигаются — лениво топчутся на месте. Скажите, брюзгаю по старости? Нет, просто у меня повышенные требования к ученикам после того, что пережил...

Вблизи концентрического лагеря Седецк столкнулся два товарных состава — византий по неизвестным причинам вышли из строя телефонная связь. Прибыло гестапо. Допрашивали многих. Особенно рьяно взялись за работавшего в момент аварии в вагоне-буфете национальном складе воинственного Черноголова.

Но доказать его вину оказалось невозможно. Дело в том, что игла, которой он проткнул телефонный кабель, была вынута и следов не оставила. «В целях профилактики», как цинично заявил следователь гестапо, пленного все же увлекли на мясоц и карцер.

Кабина, скопченная из досок, площадью в один квадратный метр, снаружи замерз, мороз до двери прорубил. Когда подняли температуру, втун и ломоту хлоба лишь через день. Когда-то, в детстве, простились со сквозняком, но здесь поставили себе твердую задачу: выжить. До войны соседи посыпались, когда долгожданный юноша знаменными утраами выбегал из дворовой колонии, обливаться по пояс. Теперь занавес закинула...

Человек выжил, при таких обстоятельствах, что, в концах, даже враги не верили в его выживание. Подпольная группа устроила его санитаром в торпедный лазер Берген-Бельзен, с которым было утрачена связь. Его снабдили паролем: «Как успехи?» С этим вопросом Черноголова обратился по адресу, но пароль не был принят....

Первый вопрос следователя к тому, здогловому по плечому было:

— Как успехи?

— Каждый видит, какие успехи... — сказал Черноголов.

В лагере смерти Нойенкамп эсэсовская команда за короткое время «ликвидировала» пятьдесят тысяч заключенных. Одним из них должен быть стал Мирон Черноголов. Спасла его подпольная группа. По мнению одного из ее руководителей, немецкого антифашиста, участника боев в Испании Ганса Гемпфинга, дело Черноголова передали в суд. Гемпфинга, когда его отвели в зал суда, сидел на скамье подсудимых, его окружали заблаговременно, еще живого. Там Мирона перевели в одежду умершего, смыли номер. Так он стал № 7853 без какого бы то ни было подозрительного прошлого...

Какие качества развивает физическая культура? Обично называют да-три: силу, выносливость, ловкость... Иногда добавляют: разносторонность. Мирон Давыдович считает, что на его уроках ученик прежде всего вырабатывает силу волн.

Все спорят пять минут, каждый из учеников знает свою сторону. Один подговаривает на перекладине. Другой входит в беговую дорожку, помахивает гантелями. Девушка прыгает со скакалкой. Подрядчик упрашивает на гимнастическую стенку...

Система во всем обнаруживает сигнал к смене упражнений и тот, кто подглядывает, берется за гантеля, а девушка, оставив скакалку, забирается на гимнастическую стенку...

Легкоатлетический урок в прибрежном парке — тема «разнообразный конвейер»: бег, прыжки,uttle, подъемы, арка. Индивидуальные задания нескончайны, но следят одно за другим, человек в непрерывном движении...

— Устал, Мирон Давыдович, — тяжело дыша, сказал парень.

— Молодец! Так и надо работать.

Комплекс ГТО ясно обнажил слабые стороны узкой спортивной специализации: гордость юноши и игроки сборной города по баскетболу не уступали в мастерстве даже самым лучшим легкоатлетам района; девушки плавали... Отличные прыгуны в высоту мастер спорта Лена К. не сумела выполнить простое упражнение — отжаться пятеро в упор на гимнастической скамейке. Да и кросс проблемами ков-как...

В одном из десятых классов, который не был без оснований считал себя спортивным, добрав половина учащихся на перекладине выход в упор син. Всю борьбу «волейболисты и баскетболисты-ребята» быстрые, выносливые, резкие, но слабоватыми бицептами.

Класс охватила такая паника: «Слабаки!» из параллельного десятого торжествовали. Эти гармонично развитые «серединники» не мечтали о спортивном Олимпии, но усердно трудились на уроках физкультуры и теперь, как говорится, покинули панто.

Мирон был специальным тренировщиком с неудивимым этот заспокойствием подъем в упор. Но ведь не только в нем дело. В комплекс ГТО, кроме упражнений, входят также занятия. И один из них требует: «Умейте объяснять значение и выполнять комплекс упражнений утренней гигиенической гимнастики». Учитель предложил спортивным мамам разделиться перед зеркалом, критически оценить свое развитие и подобрать наиболее подходящую для себя упражнения индивидуальную гимнастику.

Пришел день, когда все юноши без искажений сделали выход в упор. А они из них, Юра Бычковский, тут же на стадионе осинки сразу четырех нормы. Но не в этом было главное. Соревнования проходили под девизом: «Если захочу — смогу».

Физическая культура открыла школьникам реальную собственную возможность.

Ученик долго не мог решить, насколько странному обстоятельству, чаще всего потерпевшие колрабрешиение гибли в первые же сутки на плоту или шлюпке с еще не израсходованным запасом пресной воды и продовольствия. Французский врач Аллен Бомбар высказал мысль, что эти люди погибли от неверия в собственные силы. Воли к жизни — вот чего недоставало им.

Для того, чтобы показать почти несущественные разницу в выживании, Аллен Бомбар пускался в одиничную через Атлантический океан вплавь без пресной воды и продовольствия. Этим он доказал прежде всего, что человеческая воля может властствовать над телом.

И на саму жизнь продлевают неизнайденные и жестокие эксперименты, испытывают человеческую волю. Судьба скромного учителя физкультуры — свидетельство тому...

— Но не получается ли очень просто: физкультура дала здоровье, здоровье помогло выжить? — спрашивал Давыдович. — И не для того ведь надо учить спорт, чтобы помочь из вражеского пленя, учились плавать, чтобы спастись из нацистского горящего судна... Такие, быть может, был мой третий побег, наконец-то удалился.

Нет, прошлое не повторяется. И все же ГТО — это готовность к труду и обороне, к жизненным испытаниям, какими бы они не были. Физкультура дарит здоровье, но это не все. Умение властствовать над своим телом, над телом дает человеческую самостоятельность в том, что при необходимости он способен на большее, чем даже допускает его собственное воображение. А это значит, что воля к жизни имеет прямое отношение к физической культуре.

Рисунок Олега ТЕСЛЕРА

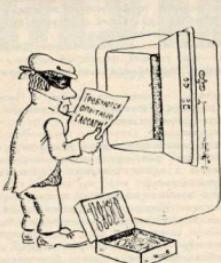

Рисунок Александра МОРЕВА

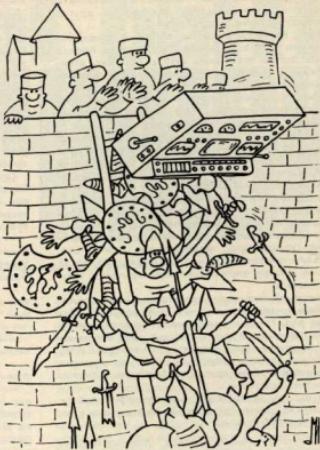

Рисунок Евгения МИЛУТКИ

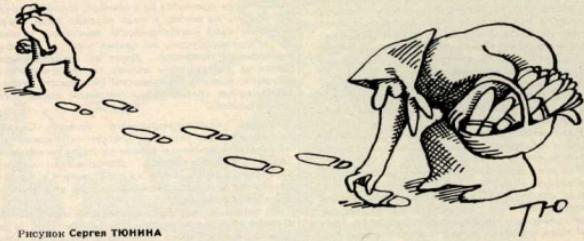

Рисунок Сергея ТЮНИНА

Генрикита НИКОЛАЕВА

ПОГОВОРИМ ЗА ЖИЗНЬ!..

Юмореска

С раннего детства меня постоянно осеняли. Со всех сторон я только и слышала:

— Мама, у тебя еще нет денег!

— От горшка два вершина, а туда же!

— Не лезь поперек батыни в пекарне!

Постепенно я прониклась уверенностью, что основная, настоящая часть моих знаний о жизни и мире олицетворяется Медежом же знаменитое и родственное постоянно твердили:

— Ты будешь жить, как я, — говорил старший

— Вырастешь — поймешь!

— Не старейся обогнать свой возраст!

— Не торопись жить!

— У тебя еще все спереди!

Терпеливо сидя за общешиного, я вдруг в какой-то момент заметила, что эти высокомерные прибрежные не способны к смеху. Тогда знакомые и родственники говорили:

— Ну, тебе это уже не по возрасту, возвращаться!

— С этим ты, пожалуй, уме опоздать!

— Минувшего не вернешь!

Возмущенная, я собралась знаменых и родственнических и потребовала конкретно указать, где же я — таин мой жизненный опыт и знания?

Посовещавшись, знаменые и родственники объявили:

— Жизнь прошад мимо!

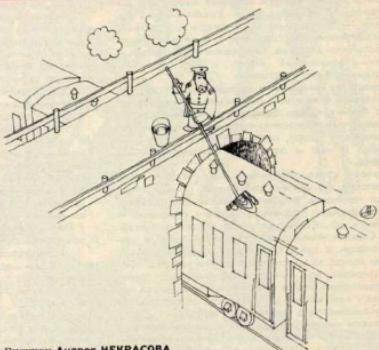
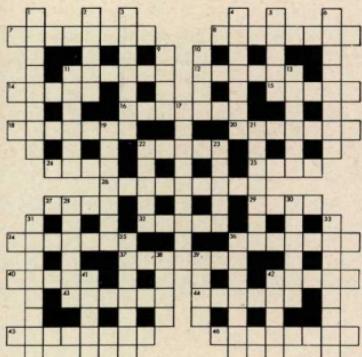

Рисунок Андрея НЕКРАСОВА

КРОССВОРД

Составил В. КАМАРЗАЕВ.

г. Орджоникидзе

По горизонтали:

7. Комедия Н. В. Гоголя.
8. «Фауст». 11. Небольшой
залив на южном берегу моря из
жизни никоитых. 12. Руко-
водитель в спортивных у-
правлениях. 13. Красивая
степная птица. 15. Торговый
центр в Нигерии. 16. Река
в Азии, берущая начало в Китае.
18. Писатель, автор обличи-
тельных произведений. 20.
Радиотехнический прибор.
21. Составной элемент. 22. Один из героев
«Илиады». 24. Город на се-
вере Франции. 25. Выступившая
занимающая кризис линия.

Телескоп. 27. Промысловая
пресноводная рыба. 29. Ан-
глийский утюпник, пред-
ставитель научного соци-
ализма. 32. Единица силы
света. 34. Декоративное силь-
ножило. 35. Самая маленькая
единица Панамы. 37. Одно из белых озер в
Сибири. 40. Лечебная птица.
42. Лабораторный сосуд. 43.
Русская спутница в зем-
ном угольном бассейне. 45.
Народный артист СССР, ла-
урэт Ленинского премии. 46.
Руководитель предприятия.

По вертикали:

1. Норвежский путешественник, этнограф, археолог.
2. Живописец, единомы-
стик. 3. Памятник. 5. Хор.
5. Звезда, наиболее яркая в созвездии Кассиопеи, видимая на востоке США. 9. Русская
графиня, иллюстратор и
«Медведица». 10. Уравнение
сумма, результат. 11.
Математик. 13. Спортивные со-
ревнования на суде. 17.
Персонаж трагедии Ф. Шил-
леря «Мария Стюарт». 19.
Соединение, состоящее из
столбиков или дырокин.
21. Отрезок прямой, ограни-
чивающий геометрическую

фигуру. 22. Вид лица спере-
ди. 23. Союзная советская
специальная комиссия по
сносимостям. 30. Соловей озме-
я в Прикаспийской низмен-
ности. 31. Первый роман
М. Шолохова «Поднятая це-
линная». 33. Горы в Горьков-
ской области. 35. Ученый-
ботаник, академик, Герой Со-
циалистического Труда. 36.
Ученый-химик, лаурэт Нобель-
кин-химии. 38. Азиатка музы-
кантов-исполнителей. 39.
Стихотворение А. Сенкевича.
41. Морской залив. 42.
Центр угольного бассейна
на Урале.

ОТВЕТЫ ДЛЯ КРОССВОРДА,
НАПЕЧАТАННЫЙ В № 5

По горизонтали:

7. Тригонометрия. 10. Тре-
угольник. 11. Ультра. 14.
Каменка. 12. Кисло. 17. Аль-
горитм. 18. Весы. 20. Ка-
терий. 22. Текст. 27. Ноис-
троб. 28. Курорт. 27. Ноис-
троб. 29. Курорт. 30. Рак-
иця. 32. Омчар. 33. Анто-
ния. 34. Уэроп. 37. Алфе-
вия. 38. Капитон. 41. Капитон.
44. Пирамида. 45. Оператор.
46. Корреспондент.

По вертикали:

1. Армавир. 2. Иргик. 3.
Аниска. 4. Амудра. 5.
Штрек. 6. Диктант. 8. «Ка-
нада». 9. Аренда. 12.
Гипердиагональ. 13. Консер-
ватория. 16. Каталлизатор.
19. Альбатрос. 20. Ката-
лизатор. 23. «Манас». 34. Алан-
дрия. 35. Дистрофон.
38. Абакан. 39. Альбатрос.
39. Трасса. 40. Оборот. 42.
Цитра. 43. Верди.

МЕЛОДИЯ

Слова Николая ДОБРОНРАВОВА

Музыка Александры ПАХМУТОВОЙ

Ты моя мелодия,
Я твой преданный Орфей.
Дым, что нам приподны,.
Помнит свет нежности твоей.

Все, как дым, разстало,
Голос твой теряется вдаль...
Что тебе заставило
Забыть мелодию любви?

Ты мое солнце,
Тайна долгого пути.
Сквозь дожди осенние
Слушу я горькое «просты»...

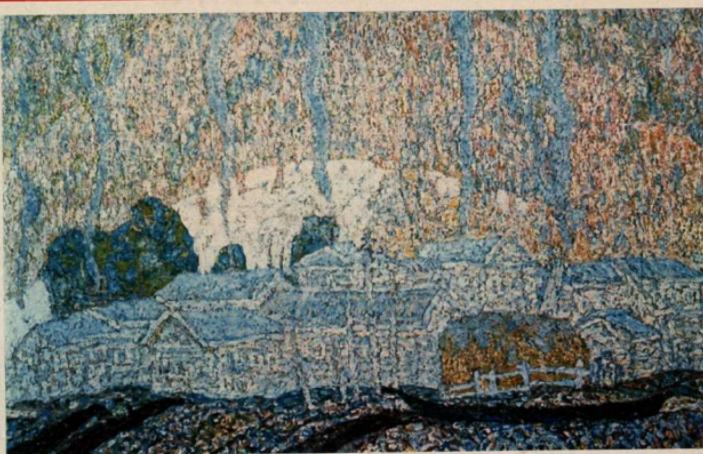
Зорь прощальных зарево.
Голос твой теряется вдаль...
Что тебе заставило
Предать мелодию любви!

Ты мое призвание,
Песня, ставшая судьбой.
Боль забытия раннего
Знал Орфей, преданный тобой...

Стань моей Валенсиюю,
Смолнившую струны щипки.
Сердцу адоховскому
Верни мелодию любви!

УРАЛЬСКАЯ ДЕРЕВНЯ.

ГЕОЛОГ.

УРАЛ САМОЦВЕТНЫЙ

ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ.

СЕДАЯ СТАРИНА.

ПОРТ.

Альберт Четвериков работает в разных жанрах, — пишет и портреты и натюрморты, но, пожалуй, главное в его творчестве — пейзажи.

После окончания Ивановского художественного училища молодым художником овладела, как это бывает у всех начинающих мастеров, пытка заросшим инянином луговые речки в средней полосе России, таинственные плавники, прозрачные синевы, склонные волнистые плессы и отголоски песчаных берегов Оки. Потом муга дальних стран, синева гор, ярко-солнышковые берега Черноморья, на зеленые склоны алпийских лугов Кавказа. Но всегда-точнее, Альберт Четвериков в своей пейзажной творчестве искал в нем большую полнотой и убедительностью он мог бы передать в своем изображении отношение к миру. И художник нашел этот пейзаж. В первой же поездке на Урал...

В уральском цикле (это уже десятни картин и этюдов) Альберт Четвериков с большим мастерством и проницательностью сумел показать многообразный и неповторимый лик этого иранской земли. Именно здесь открыты он изобразительные созвучия, родствен-

ные своему темпераменту, внутреннему отношению к миру. Ему не терпится сердечно спрятать гримасы дин, ни сумрачная диньость Уральских гор, — всюду или лейтмотив звучит в его изображении пейзажа тема антической мелодии. Художник видит в уральской природе яркие краски и звуки, которые вдохновляют его в своих отношениях, там, чтобы соседние тона подчеркивали друг друга, вызывали всю полноту чувственного восприятия, а звуки никогда не стремятся к точному колорированию природы; его письмо, наоборот, — это письмо, которое избегает обобщенного образа природы. Это дает зрителю возможность увидеть не склонные к сплошной письменности, где замыслы взвешены на тонкими прядями, берег над ними камняются причудливым и совместным образом, а плавные обводы рыбачных лодок, повторяющие собой очертания волны, вспышки яркого солнца, — все это ощущает художественную целостность и этой картиной и мировоззрением автора.

Алексей НИКОЛАЕВ